

РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ГАЗЕТА.

АЛЬМАНАХ

Усятская РОССЫПЬ

Выпуск № 1.
Март 2007 г.

СЛОВО РЕДАКТОРА

Здравствуйте, уважаемый читатель!

Газет много, всяких, в том числе и в Вашем городе и, тем не менее, возьму на себя смелость сказать, что Вы держите в своих руках не обычную газету, такой – литературно-художественной – в Вашем городе нет. Нет такого печатного органа и в нашей области, и в ближайших её окрестностях – соседних областях. Даже центральная – московская, "Литературная газета", не столько литературная, сколько о литературе. В ней публикуется то, что говорят о литературе, чьём-то литературном творчестве – литературоведы, литературные критики и сами творцы литературных произведений. Такого же, что публиковалось, прежде в популярнейшем журнале "Роман газета" нет!

В центральной "Литературной газете" № 3-4 (2007 года), в рубрике "Губернские странички" упоминаются семь изданий литературно-художественных, литературно-исторических журналов (Новгород, Тверь, Новоросийск), а газеты нет ни одной. Поэтому, возможно, в таком формате и в таком направлении своей деятельности литературно-художественная газета "Усятская россось" уникальная штука. Есть конечно и у нас в области печатный орган областного отделения Союза писателей России – "Огни Кузбасса". Но попробуй до него достучись неизвестному автору, тем более – начинающему. А потом – объём названного печатного органа и периодичность настолько малы, что публиковать в нём всех желающих, даже выборочно, нет возможности. Хотя желающие имеются. Есть конечно ещё платные печатные издания, в которых прежде чем опубликоваться нужно заплатить денежки, и не малые, этому печатному изданию. Но это уже совсем другое дело. На мой взгляд, за деньги хорошие произведения не публикуются, если да, то очень редко. Поскольку, как правило, у людей пишущих хорошие вещи не бывает столько денег, сколько нужно платить за публикации, и вообще это абсурд: должен быть гонорар за опубликованное произведение, а не наоборот. Поэтому большинство публикуются в городских газетах, а точнее кто где может. Эти публикации зачастую урезанные и ополовиненные, большинству авторов не позволяют раскрыться и вздохнуть в полную грудь. И не потому, что редакции газет плохие, а потому, что и редакция не может позволить себе полное размещение произведения. Не позволяют такие публикации и читателю оценить как следует творчество автора. Когда же будет опубликовано три-пять рассказов или других небольших произведений (или глав произведения) одного автора и одновременно, это уже что-то. Сужу так из собственного опыта.

Мысль о создании именно такого печатного органа во мне зародилась давно. Но оппоненты даже из близких мне людей почти всегда иронично говорили: "Это безумие, кому нужна эта твоя писанина? Сейчас и Пушкина-то, самого Александра Сергеевича, никто не покупает и не читает. А уж твои-то "произведения" и им подобные тем более".

Аргумент весомый и убийственный. Скажу честно, что и меня он посещал и не единожды. Тем не менее, мучаясь сомнениями перешагнул через "безумство" и перешагнул сознательно. Поскольку всю свою жизнь придерживался позиции – "лучше верить и обмануться, чем не верить и промахнуться". Бывает, что у "безумцев" получается что-то. В общем – шаг сделан, дальше всё зависит от Вас, мой дорогой читатель.

Пока же сообщаю, что редакция литературно-художественной газеты-альманаха "Усятская россось" приглашает к сотрудничеству всех, кто занимается творчеством, на условиях, частично изложенных выше. При

этом говорю и то, что не могу гарантировать, что всё присылаемое будет опубликовано, поскольку и у нас тоже будет "порожек": публиковаться будет лишь всё то, что увидится интересным с точки зрения обычного читателя. Кроме того, присылаемые произведения не должны выходить за рамки дозволенного Федеральным Законом "О средствах массовой информации".

Для авторов, произведения которых не перетягивают этого "порога", но которые имеют перспективы к этому, будет оказываться помощь литсотрудников.

В газете в ближайших номерах будет рубрика "Проталинка", создававшаяся когда-то в новокузнецкой газете "Металлург", большим другом основателей "Усятской россось" – Фурсовым Александром Антоновичем, о творчестве которого рассказывается в этом номере в публикации "В долине ковыльной".

В рубрике "Проталинка" будут публиковаться произведения, что называется, самых начинающих литераторов: учеников школ и им равных – по творческому опыту, в обработке и при помощи литературоведов газеты, если в этом будет необходимость.

Газета создавалась и организовывалась двумя физическими лицами: мной и моим компаньоном – новокузнецким художником (уроженцем города Осинники) Головачёвым Олегом Викторовичем. Более подробно о создателях газеты, как об авторах прозы и рисунков, будет сказано на второй полосе. Пока же к сказанному можно добавить лишь то, что мы с Олегом Викторовичем плодотворно сотрудничаем почти десять лет – ещё с прошлого века.

Создатели газеты и редакция приглашают к сотрудничеству и рекламодателей, без участия которых удержаться на плаву газете будет очень и очень сложно. В связи с чем сообщаем, согласно лицензии литературно-художественная газета-альманах "Усятская россось" может выходить тиражом до 20000 экземпляров, объёмом до 60 полос с рекламной площадью до 40%, на всей территории Кемеровской области.

Для коллег литераторов скажу: материала, который "лежал" на моём домашнем рабочем столе на протяжении последних десяти лет, с которым я бегал по редакциям все эти годы, мне хватило лишь на первые три номера газеты – только-только. Возможно, даже придётся поднимать рукописи, которые лежат в "девственном" состоянии не один десяток лет. Этим я хочу сказать вам об "аппетите" газеты (в формате даже первого номера) и её возможностях... Так что присылайте свои наброски и им будет дан зелёный свет. Из своего же, в этом случае, оставляю лишь то, что объявлено в очередной номер, остальное – на более поздние времена и понемногу.

Выход ваших произведений на газетных полосах – это, конечно, не книга. Век газеты короток. Но всё же она предоставит вам возможность показать себя людям, читателям, для кого-то, возможно, газета станет и стартовой площадкой в большое будущее.

Поскольку "Усятская россось" родилась в первые дни весны, следом за которыми грядёт и главный весенний праздник – 8 Марта – поэтому, пользуясь случаем, хочется поздравить наших читательниц:

Милые женщины!

Добрые и ласковые мамы, заботливые жёны и верные подруги, от всего сердца поздравляем вас с солнечным весенним праздником – 8 марта!

Пусть наступающая весна овеет вас своей свежестью и красотой, даст новые силы и бодрость. Здоровья, благополучия, радости и мира Вам и Вашим близким...

"Милая Кузнецкая земля!
Край родной: холмы, холмы...
Низины, Белые заснеженные поля,
Стройные берёзы и осины..."

Чтобы плач души моей унять,
Летом ли, зимою ли пушистой,
Брошу всё, тебя приду обнять –
В самый сенокос –
Травы душистой..."

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

ПРОЗА:

- Анатолий Гуляев (Прокопьевск).
1. Сказания о князе Сибирском (пересказ) (стр. 2-5).
2. Усаты...Усаты (стр. 6).
3. Усятский мужик (стр. 7).
4. Дядя Саня и молоток (стр. 11).
5. Вы трус, майор! (стр. 12).
6. Кириша (стр. 13-15).

ПОЭЗИЯ:

1. Александр Фурсов (Новокузнецк), (стр. 8-9):
– Земля отцов;
– Притча о сказке;
– Журавли кричат;
– Сказка о глупом короле;
– О петухах;
– Проклятие Чингисхана.
2. Лидия Сергеева (пос. Старобача-

ты), (стр. 9):

- Край родной;
– Хочу оставить добрый след;
– Солдат домой вернулся.
3. Маргарита Юрова (пос. Старобачаты), (стр. 9-10):
– Жизнь;
– Осень;
– Судьба.
4. Виктор Коврижных (пос. Старобачаты), (стр. 10):
– Сенокос.
5. Анатолий Гуляев (Прокопьевск), (стр. 10-11):
– Родимый край;
– Длительный полёт;
– Ты и Она;
– Солдатской матери;
– Военлёт.

СЛОВО РЕДАКТОРА

АНАТОЛИЙ
НИКОЛАЕВИЧ
ГУЛЯЕВ

Родился в 1951 году в Прокопьевске, в Усятах. Учился в усыятской и красногорских школах города Прокопьевска. Трудовую деятельность начал в 16 лет на шахте "Красногорская". В 1969 году – после окончания 11 классов – школы рабочей молодёжи №8, с "лёгкой" руки тырганского военкома, подполковника Бэбулата (Усяты тогда входили в Рудничный район города), был направлен на учёбу в Ачинское военное авиационно-техническое училище (хотя рвался в лётное), которое окончил в 1972 году лейтенантом. Затем, в 1983 году, окончил Киевское высшее военное авиационное инженерное училище, первый факультет. По образованию – военный инженер-механик. Служба в основном прошла в лётно-испытательных частях НИИ ВВС. В частности – в Феодосийском лётно-испытательном центре: от техника самолёта до главного инженера центра. Более семи лет летал в качестве бортового инженера на военных и военно-транспортных самолётах и вертолётах. За это время вдоль и поперёк облетел бывший Советский Союз...

Феодосийский лётно-испытательный центр, с момента своего создания в 1927 году, занимался испытаниями (самолётов, вертолётов, авиационных средств поражения, систем поиска подводных лодок, авианесущих кораблей и т.д.) в интересах ВМФ и авиации ВМФ. В марте 1992 года Феодосийский центр был передан Министерству Оборону Украины и на его основе создан ГАНИЦ ВВС Украины...

Из армии уволился в 1994 году в воинском звании полковника.

Литературной деятельностью начал заниматься с курсантской скамьи – в эпистолярном жанре, то есть – с многочисленных писем... В которых, непроизвольно и несознательно, началось начальное стихосложение и рифмовка...

В 1984 году пытался поступить учиться заочно в Московский литературный институт имени Горького, не получилось. Тем не менее писательства своего не бросал.

Первое своё стихотворение опубликовал в прокопьевской городской газете "Шахтёрская правда" в 1995 году. С 1998 по 2001 год работал главным редактором газеты "Народовластие" в Прокопьевске. После ухода из этой газеты сотрудничал с новокузнецкими газетами: "Металлург" и "Губернские ведомости". Особо тёплые воспоминания остались от сотрудничества с редакцией "Губернские ведомости", которая публиковала почти всё, что я к ним приносил.

Откуда берётся то, о чём пишу? Из собственной жизни, из рассказов близких, родственников и просто знакомых. Что-то из когда-то услышанного пополняю, в том числе и архивным материалом. Моего отца – Николая Романовича – маленьким привезли в Усяты в 1908 году из Орловской губернии, его родители были так называемыми "столыпинскими переселенцами". Мама – Евдокия Игнатьевна – из местных, вернее сказать, тоже из переселенцев, но веком или более того раньше. В девичестве она носила фамилию Брагина. Род её отца – Игнатия Павловича Брагина, впоследствии стал известным не только в Усятах, но и далеко за его пределами – из него выросли: Виктор Евгеньевич Брагин – известный кузбасский академик-угольщик и Михаил Иванович Брагин – золотозвёздный герой труда, знаменитый бригадир шахты "Тайбинская" в городе Киселёвске...

Образ деда, Игнатия Павловича Брагина, предстаёт одним из главных персонажей в нескольких моих рассказах на усыятскую тему его времени. Военная тематика, естественно, взята из большой армейской составляющей моей жизни.

ГОЛОВАЧЁВ
ОЛЕГ
ВИКТОРОВИЧ

Родился в 1968 году в городе Осинники. Отец – Виктор Фёдорович, всю свою жизнь проработал на шахте "Капитальная" в Осинниках, мама – Стела Фёдоровна, инженер КИП...

Олег Викторович с раннего детства увлекался рисованием и художественным творчеством. Окончил художественную школу под руководством Чеплыгина Николая Фомича.

В 1985 году, после окончания 10 классов общеобразовательной школы поступил учиться в Кемеровское художественное училище. Со второго курса был призван на службу в Армию (1986-1988 гг.), после окончания службы доучивался: училище окончил в 1991 году, учился под руководством Нагорного Сергея Викторовича.

Трудовую деятельность начал в Кемеровском госуниверситете на кафедре истории-этнографии с оформления зала этнографии малых народов: шорцев, хакасов, телеутов – под руководством Кимеева Валерия Николаевича...

Работал в Калтане художником, преподавал в детской художественной школе. С 2000 года работает художником в ОАО "НКМК", в редакции литературно-художественной газеты "Усыятская россыпь" работает по совместительству, в качестве творческой инициативы...

Человека под именем Ермак знают все россияне, достигшие школьного возраста. Каждый второй коренной сибиряк считает Ермака Тимофеевича если не своим праотцем, то каким-то образом причастным к своей собственной родословной. И тем не менее большинство из названных знают об Ермаке очень и очень мало – на уровне двух-трёх фраз: "Первый сибирский землепроходец", "покоритель Сибири..." и всё! Да и источники информации тоже воюют о том, что сведений о Ермаке и его походе дошло до наших дней очень и очень мало. А всё то, что известно, основывается на двух-трёх летописях, предположениях историков и литераторов предыдущих столетий, которые даже место рождения Ермака указывают всяк свое: одни предполагают, что Ермак из донских казаков, другие – из Приуралья...

Долгое время историками считалось, что единственным летописцем, рассказавшим своим потомкам о жизни Ермака и его знаменательном походе являлся Ремезов Семён Ульянович – уроженец Тобольска, летописец и картограф Сибири, живший в конце XVII – начале XVIII столетий. Но в 1849 году П. Небольсин опубликовал её в своей книге "Покорение Сибири" вместе с другими летописями: Строгановской и Есиповской.

В 1880 году "Краткая Сибирская (Кунгурская) летопись" Ремезова издана в виде литографического факсимиле (со 154 рисунками). Летопись начинается данными о Ермаке с 1577 года, описывает его поход, начало которого автор относит к 1579 году, якобы когда умер хан Кучум. Летопись значительно разнится с другими, как более подробным изложением фактов, так и представлением многого совершенно по иному: инициативу похода Ремезов приписывает Ермаку и его товарищам... Строгановым же отводится роль невольных поставщиков припасов и оружия для дружины Ермака. Кроме того, хронология Ремезовской летописи очень перепутана и непонятна. Поэтому, к примеру Карамзин Николай Михайлович (1766-1826 гг.), выдающийся русский писатель и историк, считал, что летопись Ремезова не заслуживает доверия за исключением отдельных, конкретных, мест...

Из другого источника: В 1555 году сибирский хан Едигер признал себя данником русского царя Ивана Грозного, но его преемник, хан Кучум, отказался от этой вассальской зависимости и распространял свою власть на остяцкие и вогульские племена. После чего (в 80-х годах XVI столетия) и был осуществлён поход вооруженного отряда казаков под водительством Ермака на Сибирь. В 1581 году новая Сибирская земля была присоединена к Русскому государству.

В середине XIX столетия русский поэт и писатель Майков А.Н. (1821-1897 гг.) в своём рассказе "Завоевание Сибири" поведал приблизительно следующее (в пересказе автора данного повествования: со старорусского языка, с некоторыми изменениями и уточнениями – А.Г.):

Когда в конце 1552 года Казань вошла в состав государства Российского, а следом за ней и Астрахань, великая река Волга стала полностью русской. Забота о безопасном главении по ней торговых караванов полностью легла на московского царя. По Волге и Дону ещё при татарах жило много русских людей, которые селясь и далее: в Кавказские горы, на реке Терек, связи с далекой родиной не прерывали, веры держались отеческой и русских обычаев. А себя называли людьми государевыми, вольными казаками. Однако же, государи московские за дальностью управлять ими и помышлять об них не могли. На жалобы разных татарских ханов, что казаки их грабят, из Москвы прежде отвечали, что "степь велика и государям за казаками смотреть не можно". Теперь же творимый разбой становился всё нетерпимее и нетерпимее: Государь приказывал из Москвы казакам не чинить никакого воровства над госу-

даревой казной и торговыми людьми. А вольница не унималась. Атаманы разгуливали по Волге и Каспийскому морю, словно сами были какими-то царями морскими: разбою подвергались без разбору почти все суда, идущие из России и в Россию по Волге. Некоторые атаманы сделались грозой для судоводов. Особо среди них выделялось имя атамана Ермака Тимофеевича.

По преданию, дед Ермака по имени Афанасий Григорьевич Аленин был посадским человеком города Суздали (в древней и средневековой Руси – посад – торговая-промышленная часть города, обычно вне городской стены – А.Г.), жил там в большой нужде. После чего, переехав на жительство в город Владимир вместе с двумя своими сыновьями Родионом и Тимофеем, промышлял извозом. При этом иногда нанимался возить и разбойников в Муромских лесах, на этом деле и попался властям, был осужден и посажен в тюрьму вместе с разбойниками. Из тюрьмы бежал в Юрьев-Повольский, где и умер. После смерти отца сыновья его переехали жить на реку Чусовую (впоследствии Пермскую губернию) в вотчины именитых людей – Строгановых. Которые выпросив себе у государя пустопорожные земли между реками Камой и Чусовой, у Уральских гор, осваивали их: варили соль, внедрялись в железорудный промысел, строили городки, делали ружья и пушки. Имели своих ратных людей – сами оборонялись от набегов воинственных соседствующих с ними кочевых племен и народностей, живших за Угорским камнем (Уральскими горами).

Поселившись в вотчине Строгановых Аленины, Родион и Тимофей, обзавелись семьями, детьми. Тимофей одного из своих сыновей назвал Василием, который рос крепышом красивым, сильным и очень удачным малым. Возмужав, он был среднего роста, темноволос, силен и очень речист. Ходил Василий на Строгановских стругах по Волге и Каме, и когда он был ещё кашеваром в своей артели, товарищи дали ему прозвище "Ермак", что означало "тоган артельный".

Неужил Ермак у Строгановых: тягостно стало ему ходить в работниках, захотелось поискать другой своей долюшки, манила его жизнь удалая: Волга-матушка, раздольице широкое, где погуливали люди вольные казаки государевы. Пошел Ермак к казакам, там скоро и атаманом сделался. Что тут было им по Волге поделано, сколько грехов на душу принято доподлинно не известно: когда взбунтовались черемисы (марийцы – А.Г.) и казанские татары, ходил Ермак со своей дружиной царским воеводам помогать, царю послужить. Когда угомонили бунтовщиков, снова ушел разгуливать по Волге-матушке, по морю Хвольновому. Громче прежнего стали жаловаться в Москву купцы – хивинские, бухарские, персидские и наши, что на Волге от разбоев жизни не стало. Пуще прежнего стали грозить из Москвы. А когда люди Ермака во хмелю задрали в усмерть ехавшего в Москву персидского посланника, тут стряслась беда – терпение царское закончилось: Грозный царь разгневался и послал своих воевод наказывать ослушников, очистить Волгу от разбоев. Тут-то пришлось волжским удалыцам и против своего царя-батюшки воевать: воеводы разбили казачьи скопища, многих изловили и казнили, многих загнали в степь и в море. Ермак скрылся неведомо куда. Повсюду распространился царский Указ о поимке и повешении без суда и следствия главных разбойников, среди которых значилось имя и Ермака.

Хватил тогда лиха и Ермак: тайно пробравшись с остатками своей дружины в прикамские места, на свою родину, впал в глубокое уныние и хандру: "Вот куда завела меня воля вольная, удаль молодецкая, – думалось Ермаку. – Вышел на Волгу добрым молодцем, вернулся разбойником, царским ослушником. Нигде теперь показаться нельзя: в Казань сунешься или Астрахань – повешен будешь..."

Поведал о своей кручине Ермак своим родственникам, а те со Строгановыми переговорили.

Строгановы, недавно пережившие очередные набеги кочевников в свои владения, решили помочь Ермаку в беде, послали ему письмо: "Чем мотаться тебе по белу свету, ты бы, Ермак Тимофеевич, послужил честным людям... А у нас про тебя дело нашлось бы: пожаловал нам Государь земли за Угорским камнем (Уральскими горами), по рекам Тагилю и Тоболу... Хотим мы там острожки поставить, чтобы на государевы земли сибирским народцам, остякам и вогулам, а тем паче, сибирскому царю – Кучуму, путь перехватить. Которые народцы покорность изъяснят нашему царю, с тех мы дань при-

ряк – все возрадовались: "Нам без тебя, Ермак Тимофеевич, всё равно пропадать – куда ты, куда и мы. Головы свои положить за тебя согласны" И набралось с ними ещё пятьсот сорок человек, пошли к Строгановым. Те приняли их как дорогих гостей – с великою честью. Стали в дорогу собирать: снабдили одеждой и запасами, воинскими доспехами, ружьями и небольшими пушками. От себя дали ещё триста человек ратных людей: литовцев, немцев, русских и татар. Шестерых попов с проводниками и переводчиками выделили.

1 сентября 1581 года проводили в путь дальний, в неизвестную землю сибирскую, на судах с молебном.

Сначала Ермак шёл по реке Чусовой к Уральским горам, затем – по Серебрян-

Наконец увидели казаки на берегу вроде как бы войско какое-то, которое завидя казаков, зашевелилось, изготавливалось, видимо, "встречать" непрошенных гостей... Высадились казаки на берег да как грянули из ружей: все войско сибирское и попадало наземь. Засмеялись казаки и пошли между лежащими, стали искать их командира. Чуть начнут сибирцы головы свои от земли поднимать, кто-нибудь из казаков вновь из ружья выстрелит, те опять носом в землю уткнутся. Наконец нашли-таки их старшего: оказалось, что войско вёл Таузак – мурза (титул феодальной знати в татарских государствах – А.Г.) сибирского царя Кучума. Ермак обошёлся с ним ласково: угостил, расспросил про царя Кучума, про

город, в котором башни каменные. На башнях этих колокола висят а над колоколами своды с крестами... Кучум, будучи мусульманином, хоть и презирал шаманов, но и побаивался их. Говорил, что они врут всё и в то же время расспрашивал сведущих людей – бывавших в Перми и у Строгановых, об огненной пальбе. Сведущие люди поведали ему, что от грома ружейного вреда не делается никакого – прошибает пулька. Понял ли чего, не понял ли ничего из сказанного Кучум, неизвестно. Только тут же приказал созвать к себе в кратчайшие сроки всех подвластных мурз и уланов: татар, вогулов, остяков и других сибирцев. Сам же расположился в главном своем юрте, в городке Кашлык (Сибирь, Искер – А.Г.). А сыну своему, или племяннику – Мегмет-Кулу, приказал идти во главе большого войска на Ермака и уничтожить его вместе со всеми его людьми. Если же этого не получится – силой, в бою-то тревожить их и истреблять малыми частями. При этом стараться выманить казаков на Иртыш, где и будут уничтожены остатки всех русских...

Мегмет-Кул, считавшийся самым славным богатырем и воином сибирских стран: в золотых одеждах отороченных соболями, в чешуйчатых латах на груди и золотом шлеме, с орлиными крыльями, остановился со своим войском на реке Тобол между Тавдою и Иртышом, поджидал Ермака. Узнав, что казаки высадились на берег, недалеко от него, послал на них свою конницу, а вослед за ней и пешее войско: с копьями и стрелами. При этом без устали твердил и приказывал не бояться ружейных выстрелов. Казаки встретили сибирцев выстрелами из пушек и ружей, те, поначалу, как будто дрогнули... но скоро опомнились: от выстрелов разбегались в разные стороны, но затем снова смыкались и стреляли из луков стрелами по казакам... Ермак, видя, что затяжной бой успеха ему не принесёт, ввиду явного превосходства противника по численности повел казаков в рукопашную: бой был тяжелым. Видя потерю многих своих собратьев, воинство Мегмет-Кула не выдержало: дрогнуло и побежало...

У казаков тоже были убитые и раненые. После сражения и короткой передышки Ермак вновь усадил всех казаков в лодки и поплыл дальше: вниз по Тоболу, к Иртышу, в Кучумов юрт – Кашлык... По дороге казакам пришлось сразиться с отрядом мурзы Карачу. Но его победили хитростью: заранее разведав местонахождение неприятеля казаки сделали из травы чучела, надели на них кафтаны и шапки, привязали в лодках и, при небольшом числе сопровождающих, пустили лодки по реке... Сами же тайно высадились на берег – недалеко от отряда мурзы. Лодки, дойдя до неприятеля – остановились, как на показ. Сибирцы выбежав на берег стали засыпать плывущих стрелами... Стреляют и дивятся: какие же русские люди крепкие – стрел в них, что в снопах понатыкано а они все невредимые стоят...

Настоящие же казаки зашли сибирцам в тыл и грянули по ним из ружей... В общем победу одержали легко и без потерь. Взяли в Карачумовом юрте богатую добычу: золото, припасы, мёд... Перенесли все в свои коломенки и пошли дальше.

Мегмет-Кул, тем временем, не упустил казаков из вида – по высокому берегу, на некотором расстоянии, сопровождал их со своею конницей. Где река суживалась – между гор, сибирцы, прячась за кустами, осыпали плывущих казаков стрелами, копьями и камнями...

При впадении Тобола в Иртыш Ермак решил разделаться со своими преследователями: причалив к берегу, казаки храбро и дерзко напали на неприятеля и разбили его. У казаков в этом бою потерь не было, но почти все они имели ранения. Кое-кто из казаков начал высказываться о нецелесообразности их дальнейшего продвижения вперед, о необходимости более длительного останова и отдыха... Завершалась вторая осень их

Сказания о князе Сибирском

нимать будем и в Москву отсылать, какие купцы пойдут – оберегать их будем... И если бы ты, Ермак Тимофеевич, нам это дело справить взялся, то мы бы тебе все нужное дали. Послужил бы ты царю верой – правдою и загладил бы прежние грехи свои..."

Как получил это письмо Ермак, созвал всех своих в казачий круг и сам вышел к нему со светлым лицом, велел перед всеми письмом это читать. По окончании чтения сказал: "Кто хочет братцы со мной идти – пойдём, кто не хочет тому воля – вольная, тому я не товарищ. Кто же со мной пойдёт, тот на слове крепко стой, чтоб уже воровства и пакости разной за нами не водилось..."

Товарищи Ермака храбрые есаулы и атаманы Иван Кольцо, Иван Гроза, Яков Михайлов, Никита Пан и Матвей Меще-

ке, до Сибирского пути. Здесь казаки соорудили земляные укрепления и перезимовали. С наступлением весны, когда реки освободились от льда – волоком перетащились в Жаравлю реку. Там построили легкие лодочки – коломенки и поплыли Жаравлей рекой в Тагил реку, из Тагила, ровно через год своих путешествий, вошли в Туру – приток Тобола... Сторона эта была пустынная, тишина стояла глубокая – осенняя, сентябрьская. Казаки шли по воде скоро и весело: на реке птицы разной было великое множество, а на берегах зверья различного... Как выстрелит кто из казаков из ружья, все всполошится, а выстрел по пустынным местам далеко перекатывается. Изредка попадались казакам на глаза пашенки, еще реже – люди местные, дикие: увидят казаков и прочь бегут.

Остальных его мурз и уланов, где его столица и каково войско. После чего отпустил: Таузак прибежал к Кучуму и нагнал на всех страх своими рассказами. Люди мол идут роду русского: сильные, а когда стрельнут из луков своих, то из конца огонь и дым исходят, да словно гром небесный грохотать начинает. Стрел, вылетающих из луков, не видно, а уязвляющими ранами от них насмерть любого забивают и невозможно от них защититься любыми нашими латами: ни куяками, ни панцирями, ни кольчугами – все пробивают, навывлет.

Переполошился Кучум, а с ним и мурзы его, и муллы, и князьки, и шаманы сибирские. Собрались на совет: шаманы говорили, что с этими людьми приходит гибель Кучумову царству, что в воздухе над самой Кучумовой столицей видели они

(Продолжение. Начало на стр. 13)

похода, завершился октябрь 1582 года.

Двадцать второго октября войдя в Иртыш, Ермак повернул весь свой "караван", вниз по реке и скоро увидел какое-то старое городище (Атик городок – А.Г.) – безлюдное и удобное для привала, и отдыха. Не наблюдая неприятеля, решил причалить к берегу и расположиться в городище на отдых. В дальнейшем ругал себя за это решение, поскольку это место оказалось ловушкой, заранее подготовленной для него самим Кучумом, устроившим засаду и очень надевшимися окончательно разделаться здесь с казаками и их предводителем. Войско Кучума пряталось недалеко от городища: за высокой Чувашевой горой. С другой стороны – в засеке, укрывался Мегмет-Кул с подкрепленным своим отрядом.

Расположившись на привал, казаки провели разведку окружающей местности и, к своему огорчению – тут же обнаружили неприятеля: поняв, что окружены, усталые и израненные, впали в отчаяние: начали кучковаться и требовать немедленного поворота на обратный путь... Есаулы пытались образумить крикунов, но не тут-то было – те только раззадоривались: "Давы сами посмотрите: их нехристей, тьма. А мы все наперечет. Сколько уже товарищей похоронили? Понесла нас нелегкая по неведомым рекам, неужели ж за тем, чтобы здешние берега утыкать крестами над казацкими могилами? Погуляли, страху понагнали, добычи понабрали пора и честь знать, домой поворачивать надобно, чего еще дожидаться?..."

Слыша такие речи, приуныли есаулы и старшие атаманы, помощники Ермака: Иван Кольцо и Иван Роза, Ермак же сидел один, поодаль от всех, изредка лишь поглядывая то на засеку, за которой скрывался Мегмет-Кул со своими воинами, то на собравшихся в круг своих казаков, хорошо зная, о чем там они сейчас говорят. Через некоторое время пришли к Ермаку атаманы – Роза и Кольцо, взволнованно начали докладывать, что дело принимает плохой оборот, что казаки бунтуют. "Пусть наговорятся, натешатся..." – ответил им Ермак. И давши казакам наговориться от души, собрал всех в большой круг, вошел в него сам и поклонившись казакам начал говорить:

– Что же это братцы казаки получается – аль уж и впрямь придется нам бежать? От кого? – сказал он.

– Да уж вперед-то, кажись, некуда... Все пути перехвачены, – ответили ему из толпы.

– Так то оно так, одно худо – время позднее, реки не сегодня – завтра встанут. До дому не добредем – зимовать придется в глуши: Бог весть где и Бог весть как? Пожалуй, в таком месте замёрзнем, где никто нам тёплых хором не настроил, хлеба не нарастил... Одно только доброе место для зимовки знаю я, это Кучумов юрт (Сибирь городок, Кашлык). Идо юрта... этого нам уже рукой подать. Стыдно мне за вас, братцы казаки, ведь мы – православные христиане! А какие помышления в сердца свои впустили? – Усомнились в помощи Господней нам? Нешто мы воровать сюда пришли?... От воровства великий обет дали: царю и честным людям послужить пошли, всему христианству. Крест целовали! Помните, какими слезами тогда плакали и какие слова выговаривали? Да помереть всем нам здесь! А назад возвращаться: страха ради и живота своего жалеючи – нам не можно. Срам и преступление! Коль уж мы души свои Господу Богу заложили и его волею идем. А то что нас мало а неприятеля... множество, так ведь не от количества воинов победа бывает а, свыше... от Бога помощь даётся. Бог может и беспомощным помочь, и нас не покинет Он, видя как сердца наши чисты и дерзновенны... Постоим крепко то и по смерти нашей, память о нас не оскудеет в этих странах и слава об ней пойдет вовеки...

Не дали дальше говорить Ермаку, вышли перед ним храбрые есаулы и атаманы его помощники, начали говорить от своего имени и за всех, что готовы пострадать за веру православную и Русь святую царю

послужить!

Так заговорил и весь казацкий "круг", во всем на тебя Ермак Тимофеевич полагаемся. Ты, известно, человек не нам чета. Без тебя б давно уж нам всем, пропасть... Похвалил Ермак казаков за такие речи и велел молебен отслужить: попы крест вынесли, Евангелие, аналойчик поставили, свечи зажгли. Уж ночь засияла всеми своими звездами, когда казаки караул расставили и поужинав "на скорую руку", спать улеглись – окрепнув духом на день грядущий...

Наутро, как только солнце осветило, блистанием своим светлые облака, вывел Ермак всю свою дружину из городища и

мегметкуловцев замешательство: натиских спал, ряды расстроились, а затем ни с того ни с сего, все они побежали в обратную сторону. Видя такое дело, остяцкие князьки, находившиеся в окружении Кучума, вместо того, чтобы повести свои отряды на выручку терпящих поражение мегметкуловцев, развернули своих коней и поскакали восвояси. Царь Кучум в одночасье остался на Чувашевой горе один, с немногими верными своими приближенными. Некоторое время он, как ошеломленный, горько плакал сидя в седле, затем, последовав примеру своих неверных подданных, развернул коня и быстро поскакал в свою сто-

победой и очередной доброй зимовкой.

Отдохнули казаки в Кашлыке бывшем Кучумовом юрте, обустроились: три дня их никто не беспокоил. Три дня прошли тихо и мирно, на четвертый день прибыли остяцкие князьки – подъехали и выложили перед Ермаком богатые дары и запасы. Челом о землю били и просили принять от них присягу на верность и служение ему. После остяков стали возвращаться в город и прежние жители со своими семьями, тоже присягали Ермаку. После чего он разрешил им жить в городе по прежним своим местам. Через короткое время Кашлык вновь наполнился почти полностью своими быв-

Сказания о князе Сибирском

указал рукой на засеку, за которой скрывались не раз уже битые ими воины Мегмет-Кула.

– С нами Бог! – выкрикнули казаки словно едиными устами и дав залп из ружей побежали на приступ неприятельского укрепления. Мегметкуловцы в ответ выпустили по атакующим тучу стрел... Кое-кто из казаков упал сраженный стрелой, кое-кто замешкался. Атака казаков явно не удалась. Видя это, сибирцы сами разломали в трех местах свою засеку и кинулись всей аравой на казаков, решив окончательно сломить их своим множеством и, в тесноте, не дать возможности стрелять им из ружей. Тут-то и появилась сила богатырская в казаках, завязался рукопашный бой не на жизнь а на смерть: топоры и сабли в ход пошли. На одного казака приходилось по десять, двадцать, а то и по тридцать человек неприятеля... Ермака Бог хранил: везде он поспевал вовремя и от одного его вида толпы неприятеля разбежались!

Стопп Кучумова царства и душа его войска надломилась – тяжелораненным пал храбрый Мегмет-Кул: в спешке и чуть живого его переправили на другой берег Иртыша. Уход с поля брани предводителя при отсутствии руководства боем внесло в ряды

лицу – Кашлык (Сибирь), в которой процарствовал почти сорок лет. В столице задержался недолго – захватив с собой лишь ценное, устремился в глубь своего обширного царства...

Сто семь воинов, пятая часть всей оставшейся дружины Ермака, полегло в бою у Атик городка, под Чувашевой горой. Горько было всем, Ермаку горче всех, но горевать долго было некогда. На следующий же день, 26 октября 1582 года, не давая неприятелю собраться силами, повел он оставшихся своих воинов к Кучумовой столице, которая находилась в шестнадцати верстах от места сражения. Шли без боязни, но подойдя к городу, встретившему их полнейшим безмолвием – усомнились, не кроется ли и тут какое-то лукавство Кучума. Но, осторожно войдя в город, увидели, что юрт совсем пуст. По всему было видно, что прежние его жители выметались с насиженных мест с большим переполохом: все их пожитки были беспорядочно разбросаны и валялись где попало.

Убедившись, что в увиденном нет никакого обмана, Ермак велел служить благодарственный молебен: с крестами и святой водою обошли вокруг города. После чего поздравил своих товарищей с заслуженной

шими жителями. Ермак им полюбился – за безобидное свое житьё под ним. Прежнего своего властителя – Кучума, горожане теперь вспоминали лишь плохим словом, он для них тоже был пришлым царем-победителем, их прежнего и занявшим его место.

Из дальних улусов всю зиму на оленях и собачьих упряжках приезжали на поклон к Ермаку остяцкие, вогульские и всякие другие сибирские властители вступали в его подданство. Попался в плен к казакам выдворивший от ран Мегмет-Кул. Ермак держал его под усиленной стражей, но обходился с ним достойно, не унижал его чести.

Весной следующего – 1583 года, как только вскрылись от льда реки, Ермак сходил в поход вниз по Иртышу, до самой Оби. И, где мирно, где боем – привел и эту часть, бывшей Кучумовой страны, под свою власть. Возвращение Ермака из похода было торжественно: на ладьях его играла музыка, били в барабаны а сиповки, литавры и трубы выводили богоугодные мелодии. Спровождавшие Ермака казаки были одеты в праздничные кафтаны, обшитые золотом. Местные жители, выходявшие ему на встречу, падали ниц. Выносили дары: куньи и

собольи меха, просили покровительства и приёма под свою власть.

Обширные земли стали подвластны Ермаку, многие народы несли ему свою дань он был на пике своей славы и понимал, что венец Кучумова царства был в его руках, стоило захотеть ему и он мог бы возложить его на свою голову. Всякой вольницы из России: с Волги и Дона к нему потянулось бы великое множество и был бы он силен и богат, полноправно повелевал бы народами. Возможно так бы и поступил всякий другой, оказавшийся на его месте, но только не он — истинно русский человек, думающий не о себе, а о Святой Руси, о ее благе. Принимая почести, душа его терзалась, он постоянно думал: "Как там она — Родина..."

Возвратившись на базу, после похода 1583 года, Ермак выставив караул у входа в свою землянку, вызвал к себе писчего попа, заперся с ним в своем жилище и, прохаживаясь из угла в угол, начал диктовать попу, а тот с его слов отписывать грамоты царю и Строгановым: "...Всемилоостивого в Троице славимого Бога изволением, Пречистия Его Матери и святых угодников и чудотворцев российских заступничеством и тебя — государя царя и великого князя Иоанна Васильевича ко всещедрому Богу праведною молитвою и твоим государевым счастьем — царство Сибирское взяли и царя Кучума с воями его победили. И под твою высокую руку покорились многих живущих в Сибири инородцев: татар, остяков и вогуличей. К присяге их привели, чтобы быть им под твою государскую, высокую руку до веку покаместь Бог изволит вселенной стояти. И чтобы им ясаки давати тебе великому государю, беспереводно. А на русских людей им зла никакого не мыслить. Которые похотят в твою службу государскую — служить прямо. Недругам твоим государевым ни в чем не спускать и самим не изменять. К царю Кучуму и в иные орды и улусы не отъезжать и во всем правом постоянстве стоять..."

Строгановым отписал Ермак в другой грамоте, где более подробно рассказал о всех делах и просил переправить своих

посланцев, с первой грамотой, в Москву — к самому царю...

Отписав грамоты, вызвал Ермак к себе всех атаманов и есаулов, спросил их мнение, кому ехать в Москву — перед грозным царем челом бить и ответ держать за прежние свои воровские дела?

— Кому же ехать как не мне, — вызвался Иван Кольцо, ближайший друг и помощник Ермака. — Имя мое великому государю сведомо, в царском Указе о поимке и повешании, вместе с тобой, Ермак, значусь, так что сам приду и голову свою принесу. А от тебя подарочек дорогой!

Поехал Иван Кольцо с охраной из пятидесяти казаков, письма повёз. Ермак же остался с остальными казаками и тягостными своими мыслями, в Кашлыке — ответа царского дожидаться...

Приехал Иван Кольцо в Москву в самое печальное для государства время: только что окончилась двадцатипятилетняя Ливонская война (1558-1583 г.г.), заключено было десятилетнее перемирие с Польшей и трёхлетнее — со Швецией, по которым царь потерял все свои завоевания в Ливонской земле: берега Балтийского моря, столь для Руси необходимые, Полоцк и другие города... Мрачен был грозный царь, болел в объятии измен и всевозможных боярских козней. Москва трепетала — словно перед бурей. Поэтому, когда доложили царю о прибытии каких-то там казаков с какой-то там грамотой от Строгановых, он колебался: принимать непрошенных гостей или не принимать? Решил принять как обычно, сидя на креслах, в окружении бояр, сидящих на лавках...

Оказавшись перед царем, Иван Кольцо и его сопровождающие пали на землю, склонив головы до самого пола как преступники. Иван Кольцо положил поверх своей головы грамоту, писанную Ермаком, дескать — хочешь грамоту бери, хочешь головы наши рубли... Царь велел дьяку взять грамоту, распечатать и вслух читать... Когда дьяк прочёл вслух всё написанное, государь приказал Ивану Кольцо встать на ноги и подробно рассказать, без утайки: всё дело

и что они за люди?

Посланец Ермака без утайки, как и было приказано рассказал всю правду: и про грехи свои, и про то как в Сибирь пошли. Воспылал царь от услышанного, бояр своих упрёк: "Вот вам пример: и не знатного рода люди — простые казаки, казнить я их велел... Они не побежали служить моим недругам, о государстве думали — царство мне покорили, чтобы я только снял с них "вины их старья". И обратясь к казакам, уже стоящих перед царем на ногах, как и Иван Кольцо, объявил, что все их вины... с них снимает, за службу жалует их великим своим, государевым жалованием... А к храброму воеводе, князю Сибирскому, Ермаку Тимофеевичу, помощь велел послать и отписать ему царскую грамоту... После чего допустил казаков к своей руке, одарил их и велел продовольствовать с царского стола. По завершении приема царь встал со своих кресел и приказал тотчас же служить молебен в Успенском соборе, а по всей Москве и всему царству в колокола звонить, народу объявить, что Бог в милостях Своих к нему не оскудевает — послал державе Российской великое приращение — Сибирь!

Позабывтое в народе ликование началось по всей Москве и всему царству. На помощь к Ермаку царь, как и обещал, тут же отрядил князя Болховского с пятьюстами стрельцами. Казакам послал деньги, сукно, камку (шелковая узорная ткань). Ермаку — шубу со своего плеча, две брони, серебряный кубок. А в Милостивой грамоте своей — официально назвал его князем Сибирским: поручил ему главное распоряжение и начальство над всею покоренною им страню. Пленного Мегмет-Кула велел прислать в Москву.

Когда вернулся назад к казакам Иван Кольцо с царскими милостями, то теперь уже и здесь, в Кашлыке, началось великое ликование, радость всех ожидавших возвращения посланников, была неопишущая...

Но не долго пришлось пользоваться Ермаку всеми спустившимися на него царскими милостями — расквитался-таки с ним

за все свои страдания хан Кучум: пустил он слух, что к казакам идут бухарские купцы... Ермак вышел с пятидесятью казаками им навстречу — для прикрытия. Но купцов в означенном месте не оказалось. Вечерело, казаки, по обычной для себя привычке, решили ночевать, где их застала ночь, на небольшом островке Иртыша, где и должна была состояться их встреча с купцами. Ночь была бурная, ветер выл, река шумела... Когда казаки уснули богатырским сном, Кучум переправился со своим отрядом через рукав реки и тихо напал на сонных казаков, почти всех так и зарезали сонными. Ермак, каким-то, своим особым чувством, почувствовал неладное — пробудился, вскочил на ноги и отмахиваясь саблей, от напавших на него — ночных пришельцев, попятился к своим судам: перепрыгивая с лодки на лодку он оступись и упал в бурную и глубокую реку: тяжелая царская броня, надетая на нём, сильно тянула ко дну и не позволяла плыть. Под тяжестью доспехов, в конце концов, Ермак и утонул... После его гибели казаки и царские стрельцы как бы осиротели — остались без головы. Душа всего их дела исчезла. К тому же незадолго до этого в результате измены, был убит и Иван Кольцо. Никита Пан и Иван Гроза тоже погибли. Осиротевшая дружина Ермака, предвидя и своё уничтожение, устранилась, думала лишь о своем спасении. Единственный из оставшихся в живых атаманов Ермака Матвей Мещеряк, поддавшись общему настроению, повел оставшийся казацко-стрелецкий отряд в обратную сторону, к Строгановым. Но по дороге встретили идущее им на подмогу новое царское войско...

Ермак погиб 5 августа 1584 года, не зная отом, что 18 марта этого же, 1584 года, ушел из жизни и вершитель его судьбы — царь Иван Грозный.

Когда-то, сказав взбунтовавшимся казакам: "Постоим крепко и память об нас не оскудеет в сих странах и слава об нас пойдёт вовеки..." Ермак оказался прав, сбылись его слова, имя его и поныне стоит надо всею Сибирью, в различных названиях, а в песнях народных живет по всей Руси.

Усаты...Усяты

1) Усяты – северо-восточная оконечность Прокопьевска, частный сектор. Когда-то, сто и более лет тому назад, село, имевшее свою церковь, свой стольный праздник и, как теперь говорят – местное самоуправление во главе со старостой, сельскую казну с казначеем и прочее. Слово “усяты” с давних пор и по нынешние времена для многих непонятно и неудобопроизносимое. Поэтому все, кому так или иначе приходится с ним “работать”, пытаются его видоизменить и “облагородить”, трактуют его всяк по-своему: русская православная церковь слово это стала произносить и писать на свой лад – “Усятское”. Отсюда и Усятская церковь, жителей села стали именовать...усятские. И так далее. Хотя, “Усяты” и “Усятское” – пусть и однокоренные, но всё же разные слова (на мой взгляд).

Прокопьевские историки и краеведы название села трактуют тоже всяк по-своему: кто-то считает, что название явно созвучно и родственно с человеческими усами. Отсюда, якобы, первоначально, название села было “Усат” или “Усаты”. Впоследствии, под влиянием слов утят, цыплят, поросят..., поскольку в Усятах в прежние времена было много всякого такого, то есть – живности, буква “а” “смягчилась” и стала звучать и прописываться буквой “я”. Таким образом, “Усаты” превратились в “Усяты”...

По второй версии, которая как бы усиливает первую, говорится, что название “Усаты” произошло от слияния первых слогов двух фамилий первопоселенцев на этой земле. А именно Усовых и Атучиных: “Ус” – “Ат”, “Усат” – “Усаты”.

Есть и ещё одна – третья версия, которая говорит о том, что название связано со слиянием рек “Аба” и “Тайба”, которые в своём слиянии похожи на всё те же... усы.

Частично, моё мнение, по происхождению названия села, совпадает с последней версией. Поэтому, присоединяясь к ней, частично вношу и своё толкование: издревле на Руси малые реки – притоки других, более крупных рек, называли “усами”. За примером далеко ходить не надо: всем известно, что одним из притоков реки Томь является река Уса, то есть Ус.

Река с названием Уса есть в Коми, приток Печоры. Река Уса есть и в Куйбышевской области, правый приток Великой русской реки, впадает в Волгу, в районе города Жигули. Река Ус есть в Красноярском крае, правый приток Енисея. Совсем близко от Усят есть река Ускат – “Ус – катящий”, приток Томи. Поэтому, вполне возможно, что Усат – “Ус – атамана”, версия русского названия реки Аба.

Название Усяты под этим ракурсом видится сложным словом, состоящим из трёх независимых слов: Ус, Я, Ты. Слово Ус, как сказано – река... Я, Ты – легенда:

Однажды, давным-давно, к татарскому улусу прибились несколько человек, доселе не виданных здесь – урусов. Люди эти отличались от жителей улуса не только своим внешним обликом, но и тем, что не пожелали жить как кочевники, в юртах: начали возводить себе деревянные жилища, копали и в земле землянки на окраине улуса. И всё бы ничего, но один из пришельцев, молодой урус, начал заглядываться на младшую дочь местного мурзы (титул феодальной знати в татарских государствах – А.Г.), горделиво считавшим себя, потомком... самого Чингисхана. Девушке молодой урус понравившись, и хотя они почти не понимали слов друг друга, тем не менее это не мешало им общаться: она называла его “Я”, он её – “Ты”. В конце концов общение привело юные сердца к большой любви. “Я” и “Ты” решили пожениться. Но отец девушки ни за что не соглашался на то, что бы его красавица дочь вышла замуж за невестку откуда явившегося уруса... Девушка характером была в отца и расставаться со своим возлюбленным ни за что не хотела... “Я” предложил ей убежать из улуса и поселиться жить в тайге, на берегу небольшой речушки, где у его соплеменников было построено одинокое зимовье. “Ты”, не колеблясь, согласилась. Буквально на следующий же день они и осуществили задуманное. Так “Я” и “Ты” поселились жить в глухой тайге, на берегу маленькой

лесной речушки, которую “Я” называл “Усатом”. Оставшиеся в улусе соплеменники “Я” знали, где укрылись беглецы и, между собой, стали называть то место “Я – Ты” или “Ус – Я – Ты”. Скоро гнев отца беглянки сник, он разрешил молодым приехать в улус и жить вместе с ним. Но те не захотели бросать понравившееся им место: тайга и река буквально заваливали их своими дарами. Однажды “Я” пришёл в дом большой улов рыбы. Он очень радовался успеху и, рассказывая любимой, как ему это удалось, сказал, что “Усат” заботится о них словно родной отец. “Аба”, – обобщив, сказанное мужем, произнесла “Ты”, начавшая понимать многие слова

Второй – Столыпинский, с 1906 и до 1914 года (до начала Первой мировой войны), заселялись заречные Усяты – в сторону хлебозавода и вокзала, переселенцами из Орловской губернии, Курска. Переселение проводилось плановое (под контролем государства и при его помощи (столыпинские переселенцы). Тогда-то и образовалась там улица Орловская (ныне – Тихорецкая), Орловской осталась лишь её нижняя часть.

Третье заселение – советское, с начала 1930-х годов: из Мордовии, Чувашии заселилась Сибирьга.

Красную горку начали заселять с началом строительства шахты “Красногор-

рега реки. Прозвище, с течением времени, стало фамилией, но с ударением на среднюю букву “О-О” – “Усо-ов”, Усо-овы”.

Фамилия “Атучин – Атучины”, по моему мнению, несёт в себе тюркское начало – от слова “Ату”, боевой клич: вперед, взять, занять... Чингисхан, указав перстом на какое-то очередное государство, стоящее на своем пути, говорил: “Ату!” С тех пор в русском языке (и не только в русском языке, оно международное) это слово применяется лишь в лексиконе охотников, в основном – в псовых охотах: когда борзых собак пускают в погоню за зайцем, им говорят – “ату”. Поэтому есть мнение, что “атуч”, “атуча” на языке Чингисхана означало “воин”. Атучины приехали в Усяты, как было сказано выше, в 1824 году. Село к этому времени уже называлось как и зовётся ныне. Так что составляющая “ат” в названии “Усат” – от фамилии “Атучиных”, вряд ли могла быть.

Первые поселенцы на усятской земле появились, по утверждению историков, скорее всего в XVIII веке, то есть, в 1700-м каком-то году. Тихоновы, род которых, бесспорно, тоже является одним из старейших усятских родов, считают, что их пращур Федор Тихонов, тамбовский казак, приехал в Усяты в восьмидесятых годах XVIII столетия, то есть где-то в 1780 году.

Село, на момент его переселения, называлось Усяты.

Летом 2004 года, шагая по улице Баргузинской – одной из главных усятских улиц – мимо доживающего свой век “поповского дома” (в прошлом дома священника усятской церкви), по преданию, одного из старейших усятских домов (с осени 1919 года, после убийства священника и его жены, – усятской семилетней общеобразовательной школы, до начала 1950-х годов), увидел копошащегося в нём человека. “Мародёр...” – мелькнула у меня в голове недобрая мысль. И в это же мгновение узнал в этом человеке последнюю хозяйку этого дома – Тюбкину Л.А. Остановился, разговорился...

– Всё, конец пришел старейшему усятскому дому? – посетовал я.

– А сколько же ему ещё жить? – ответила бывшая хозяйка дома. – Триста шестьдесят лет уже стоит, последний ремонт делался ему сто пятьдесят лет тому назад, – ответила женщина, подтверждая свои слова якобы виденными ею какими-то записями или знаками в каких-то потаённых местах дома...

Поверив на слово, начал обдумывать случайно полученную информацию, поскольку давно интересуюсь историей своей малой родины: если сказанное действительно верно, то получалось, что “поповский дом” был построен в 1644 году.

“Христорождественский монастырь”, вокруг которого образовалось село Монастырское, переросшее в город Прокопьевск, был основан в 1648 году. Получалось, что “поповский дом” в Усятах был построен раньше, чем появилось село Монастырское. Начал искать дополнительные зацепки для подтверждения возникшего предположения. Обдумывая всё, пришёл к мнению, что мериллом здесь может быть только одно – конкретная дата – дата построения в Усятах усятской церкви.

Задача оказалась нелегкой, поскольку мои “походы” в старейшие Прокопьевские и Новокузнецкие церкви, и соборы – Русской Православной Церкви (Р.П.Ц.), ничего не дали – священники почти везде очень молодые и по интересовавшему меня вопросу даже ничего и не слышали... В конце-концов дорога привела меня в святыню Кемеровской и Новокузнецкой епархии (Р.П.Ц) – Знаменский собор, где мне очень любезно и предоставили всё, что меня интересовало. Но об этом речь пойдёт в другом рассказе – “Трагедия Усятских святых”. Здесь же, как бы подводя черту, скажу, что сказанное мне о “поповском доме” по датам не сходится – более чем на сто лет. Истина хотя и не “сладостна”, но справедлива: более чем на сто лет раньше церкви дом священника построенным быть не мог. Досадно, но поиск, как и любой созидательный труд бесполезным не оказался.

любимого. И, улыбнувшись, пояснила, что “аба” на её языке то же самое... “Я” не стал перечить любимой и с этого дня начал называть реку её словом. Спустя какое-то время поблизости от молодых отшельников, Я и Ты, поселились новые люди, потом ещё, ещё... В основном пришлые в эти края урусы.

Скоро возле одинокого таёжного обиталища одной влюбленной пары образовалось небольшое селение, которое все так и продолжали называть тремя разными словами: “Ус, Я, Ты”. Со временем трёхзначье в названии само собой упродлилось – все стали ласково величать своё селение одним словом “Усяты”, что, по их разумению, являлось символом любви и благополучия.

Недалеко от селения Усяты, перед Черкасовым камнем, есть татарская гора, под горой – на травяной посылке Школьный есть посёлок “Егултыс”, название которого в переводе на русский язык с тюркского означает яма. Возможно, что именно здесь, на татарской горе, и стоял когда-то тот самый татарский улус, из которого и убежали первые жители селения Усяты: Я и Ты. Много воды убежало с тех пор в реку Аба, много чего она повидала на своем веку...

В дополнение к сказанному скажу ещё: в нашей области есть населённый пункт Яя, “Я – Я”; а моя деревенька – “Я – Ты”...

Принято считать, что Усяты заселялись до современного уровня в три этапа: первый – стихийный – со времен Ермака и до лета 1906 года. В этот почти трёхсотлетний период переселенцы, разношерстные, наверняка и вынужденные – каторжане, и романтики золотой сибирской лихорадки 1830-х годов... В этот период переселились в Усяты вятские: Атучины, Пушкарёвы, Тузовские, Самоковские, Брагины, Старчёнковы... В 1824 году (со слов Шабалина В.С.) заселилась центральная часть Усят.

ской” после окончания Великой Отечественной войны.

В начале 1920-х годов через Усяты прошла железная дорога – появилась “слань” (насыпь в сторону вокзала). Железная дорога пришла в Усяты из Кольчугино (ныне Ленинска-Кузнецкого). При строительстве железной дороги для нужд железной дороги запрудили реку “Аба” (в районе так называемого посёлка Сахалин), которая с тех пор и до середины 1950-х годов значительно выросла в ширину.

Вернусь теперь к оговоренным выше фамилиям: Усовы и Атучины. Скажу, что они родственны мне. Поэтому, ни в коем разе не пытаюсь уменьшить их “статус” на усятском “олимпе”, попытался разобраться с толкованиями их происхождения: внимательно просмотрел все словари и справочники-толкователи фамилий новокузнецкой “Гоголевской библиотеки” и, к своему удивлению, не нашёл в них никакой расшифровки: ни первой, ни второй фамилии. Оказывается, эти усятские фамилии не являются распространёнными... По первой фамилии есть – Усов, Усков..., Усов – нет! По Атучиным нет ничего даже близко: есть Тучины, Тучинины, Тучные...

Поэтому, возьму на себя смелость и выскажу свое мнение: Усовы – в современном звучании с ударением на первую букву – “У”, фамилия эта – молодая, новая. Раньше даже те, кто родился в Усятах лет сто назад, произносили эту фамилию с ударением на букву “О” – “Усо-овы”. В этом случае снова применима третья трактовка названия селения: “Усо-овы”, бесспорно, одни из первых поселенцев села, поэтому и селились они где хотели, а хотели, как водится и в нынешние времена, в первом ряду – вдоль реки, вдоль “уса”. Поэтому у всех поселенцев, живших вдоль “уса”, появилось одно обобщающее прозвище, по месту “прописки” – “усо-овы”, то есть живущие вдоль бе-

Однажды, давным-давно, по зимнику ехал обоз — возов двадцать было или даже боле... На переднем и заднем возах сидели человека по три возницы, а средние друг за дружкой сами шли.

Едут возницы, лясы точат да семечки на зимник поплёвывают. Вдруг передние увидели, что по дороге какой-то мужичонка пешком топает: в пимах, шубейке да шапке-треухе.

Догнал обоз мужичонку, скорость сбавил... Возницы на передней подводе едут, ноги свесили и смотрят во все глаза на пешего.

— Здорово ли, чё ли! — сказал пеший.

— Чиво глаза-то на меня пялите?

— А за погляд денег не берут! — ответил один из возниц.

— Так-то оно так. Но лучше бы вы меня к себе пригласили да подвезли немножко нито...

— Ну сидай нито, рядышком, лошадей у меня сытая, не убудет, — ответил возница, управлявший передней лошадей.

— Сидай да расскажи, кто таков, откуда будешь и куда идёшь?

— Усятский мужик я, — усевшись на любезно предложенное место, ответил пеший. — А иду я туда, куда все идут.

— А откуда же ты будешь родом, усятский мужик? — продолжал допытываться возница.

— Родом-то? Родом я из Усят! Сельцо такое есть, верстах эдак в полтораста отселева будет. Или боле... Там все мужики такие же как и я, — ответил усятский мужик.

— Не слыхивал! — важно ответил возница. — Но таперича знать буду. И чем же живут усятские мужики?

— Да как же тебе сказать, — явно передразнивая возницу, ответил усятский, хитро улыбаясь, — где сокрут чего, а где и украдут — тем и живут!

— Да ну ты! И ты такой же? — воскликнул спрашивающий и с опаской посмотрел на усятского мужика.

— И я такой же, — ответил усятский мужик без намёка на иронию.

— Ха-а, да все мужики такие — и рязанские, и тамбовские, — встряв в разговор, высказался другой, молчавший до этого, возница.

— Э-э, нет, не скажи! — возразил усятский мужик. — По внешнему виду, может быть, любой из наших — усятских, мало чем отличается от рязанского или того же тамбовского мужика. Казалось бы, тот же самый мужик! Но нет, усятский — совершенно иной мужик! К примеру, идёт, скажем, рязанский мужик по дороге, подходит к своему дому.

Смотрит, на дороге камень лежит. Рязанский, что делает? Наклонится, поднимет этот камень и бросит его в огород к соседу. В худшем случае — пнёт его в сторону соседской ограды. А усятский? Оглянется, убедится, что за ним никто не подсматривает, наклонится и обязательно подберёт этот камень. Унесёт его домой, дома хорошенько рассмотрит его. Если этот камень чёрный, скажем, уголь, тогда усятский мужик использует его по прямому назначению — извлечёт из него тепло. Если этот камень красный или имеет ещё какой-то другой, неопределённый цвет... тогда усятский мужик приложит его где-нибудь у себя в укромном месте. Зачем приложил, этого он пока ещё не знает, но точно знает, что когда-нибудь и зачем-нибудь этот камень ему обязательно понадобится. Ежели, скажем, усятский мужик, оглянувшись, поймёт, что за ним кто-то подсматривает, такое тоже, возможно, возникало, тогда он с невозмутимым видом слегка подпнёт его ногой. Но — к своей ограде... Позднее, улучив момент, сделает всё то, о чём я вам только что рассказывал...

— Ну ладно, хорошо. Пусть будет по-твоему, пусть усятский мужик не такой как все остальные. И ты тоже не такой, как мы все?! Докажи нам это! Ну, скажем,

укради сейчас у нас чего-нибудь, — не унимался второй возница и, заулыбавшись, посмотрел на усятского мужика.

— Сейчас?! — удивлённо переспросил усятский.

— Сейчас! — всё так же хитро улыбаясь, ответил возница.

— Ну, хорошо, сейчас так сейчас! — ответил усятский мужик и, расстегнув среднюю пуговицу на своей шубейке, сунул туда свою руку и тут же вынул её обратно. Но — уже с кисетом в руке.

— Это чьё? — косо улыбаясь, спросил он.

— Моё! — воскликнул первый возница, управлявший лошадей, изумлённо оглянувшись на усятского мужика.

— Твоё? А чего тогда он у меня за пазухой делает? Табачок у меня и свой есть. На, забери его обратно, да не забрасывай где ни попадя, — сказал усятский, протянув кисет прежнему хозяину и снова сунул свою руку себе под шубейку. На сей раз вытянул оттуда рукавицу-шубенку.

— А эта — чья? — вполне серьёзно снова спросил усятский.

— Мо-я-я, — чуть ли не замычав от удивления, ответил второй возница, просивший доказательств — расширенными глазами смотревший на свою голую руку.

— Надо же, чичас ведь — только шта, тут была...

— Нувот видишь, чичас — только шта..., а уже у меня за пазухой и мешает. На, забери её, — сказал усятский мужик и протянул рукавицу хозяину. — Ну, ещё чем повеселить вас мужики? Чему вы ещё не верите?

— Соври, соври, усятский мужик, — снова заегозясь, с нетерпением попросил второй возница.

— Со-в-ра-ть? — нараспев переспросил усятский мужик и посмотрел на возницу управлявшего первой лошадей, явно... как бы, спрашивая его разрешения.

— Да соври уж, — снисходительно решил тот.

— Ой-й, ё-ё-й-й, мужики... у меня зуб заболел. Ой-й, ё-ё-й-й, — завопил усятский мужик и лицо его перекошилось так, как будто бы он вот-вот должен был умереть.

— Ты чё, сурьёзно, што ли? — недоверчиво спросил усятского мужика второй возница.

— Сурьёзно-о, ой-ёй-й как бо-ль-на-а, — завывая ответил усятский и, прижав "больной" зуб рукой, закрыл глаза... — А вы куда едите-то? — спросил он после некоторого молчания.

— Ну как куда? На Сорочинскую ярмарку едем, товар везём, — ответил за всех второй — суетливый, возница.

— Далеко! Нет, туда я не додую. Помру по дороге... А может вы полечите меня, мужики? — всё также, жалобно, спросил усятский мужик.

— Как же мы тебя полечим? Мы шта дохтура, тебе, личё ли? — ответил за всех теперь уже первый возница.

— Дохтура, дохтура, — залепетал усятский мужик. — Вы только позвольте мне оглоблю саней погрызть возле подпру-

ги, — завораживающе попросил он.

— Оглоблю погрызть?! — удивлённо и с большими сомнениями в голосе не то спросил, не то ответил что-то сам себе первый возница.

— Ага, оглоблю... оглоблю! — подтвердил усятский мужик.

— Возле подпруги? — мучаясь сомнениями, уточнил первый возница.

— Ак-ку-р-рат, возле неё, — подтвердил усятский мужик.

— А ты не перегрызёшь её нам на всем? Ты же вон какой — оборонишнай, варнак... одним словом! — уточнил ещё

— ответил усятский мужик.

— Ну, тада дале поедем, ли чё ли? — поинтересовался первый возница.

— Поезжайте, мужики, спасибо, что подвезли и подлечили, да и за кумпанию то же — весело было с вами, — ответил усятский мужик.

— А ты чё, дале с нами не поедешь? — спросил первый возница.

— Нет, не поеду мужики. Дальша пешком пойду, — ответил усятский.

— И куды же ты пойдёшь? — продолжал выпытывать всё тот же возница.

— На сорочиную гору пойду, яиц со-

Усятский мужик

одну важную деталь запрашиваемого дела мнительный первый возница.

— Не-е-ет, не перегрызу, я по сучку! — пойдя на уступки, при полнейших гарантиях в голосе, ответил усятский мужик.

— По сучку! Ну, тада ладно, да-вай..., — сильно сомневаясь в правильности своих действий, но всё же приняв окончательное положительное решение по просьбе, неожиданно заболевшего усятского мужика, ответил возница. И, потянув на себя вожжи, громко закричал на свою лошадь. — Тпру-у-у...

Обоз остановился. Усятский мужик, шустро соскочив с воза, подбежал к лошади и выбрав место на оглобле, возле подпруги — как и было оговорено, вцепился в него зубами. Начал грызть.

Возницы, сидевшие на первом возу, в один голос заржали, как стоялые жеребцы. Кое-кто из них тоже соскочил с воза и поближе подошёл к усятскому мужику, который сначала стоял к возницам спиной а потом, подсунувшись под самое брюхо лошади, начал грызть оглоблю снизу, повернувшись к смеющимся лицом.

— Однако, опилки полетели! — с опаской воскликнул один из смеющихся. — Эй, ты, усятский! Так ты оглоблю-то нам не перегрызёшь, насовсем? — теперь уже явно волнуясь, уточнил он.

— Да нет, я же по сучку, — ответил тот. — К тому же, кажись, уже и всё, — вновь заговорил усятский и вылез из-под лошади. По лбу у него текли крупные капли пота.

— Ну чё, полегчало? — спросил возница.

— Полегчало, особливо — в серёдке!

рочиных попою! — улыбаясь ответил усятский мужик.

— Да каки же сичас яйца сорочинные? — Сичас же зима?!

— Пока дойду туда, как раз весна начнётся — сороки гнёзда совыют и яиц наложат! — плутовато засмеялся усятский мужик.

— Ну што же, иди! У каждова человека своя дорога. А то ба поехал с нами да соврал ишо чего, — с сожалением как бы уговаривая усятского мужика, продолжал своё возница, как оказалось проникнувшийся к усятскому своей душой.

— Нет, своей дорогой пойду. Да и наврал я вам уже столько, что вам до-о-лго ишо разбираться придётся, — окончательно отказался от уговоров усятский мужик и, повернувшись ко всем спиной, решительно шагнул с наезженной дороги в снег.

— Н-но-о-о! — громко дал команду лошадям передний возница и щёлкнул хлыстом. Обоз заскрипел полозьями медленно тронулся с места и разогнавшись поехал дальше в прежнем темпе.

Вечером, когда обозники приехали в какую-то придорожную деревушку и, решив переночевать, начали распрягать лошадей, то обнаружили, что три средние подводы пустые...

— Ох уж этот усятский мужик! Не у него, а у нас в серёдке "полег-чало", — заругался возница передней подводы и неизвестно кому погрозил кнутом. — А где же эта сорочинная гора? — спросил он обозников через некоторое время.

— А кто её знает? — ответили ему.

С тех самых пор и пошла гулять по дорогам и весям дурная слава об усятском мужике. Но, как говорится, не пойманый — не вор!

ОТ АВТОРА О ФУРСОВЕ А.А.

В ДОЛИНЕ КОВЫЛЬНОЙ...

В народе бытует мнение, что високосные года очень тяжелы, жестоки и кровожадны. В этом, наверное, что-то есть. Не буду заниматься статистикой, скажу, что 2004 – високосный год в кругу моих знакомых и родственников “подкосил” очень многих, не деля на старых и молодых...

На закате осени того года ушёл из жизни очень хороший человек, близкий мне по духу и по мироощущению – Фурсов Александр Антонович. Художник и поэт Новокузнецка, родившийся в 1935 году на Алтае в деревне Фунтовка, живописнейшем краю.

Окончив Московский заочный университет искусств, факультет станковой живописи и графики, он был неоднократным участником краевых и городских выставок в Барнауле и Новокузнецке, являлся дважды лауреатом самодеятельного творчества в Москве, награждался малой бронзовой медалью ВДНХ, знаком ВЦСПС и дипломом первой степени Союза художников СССР, автор многих персональных художественных выставок.

В семидесятых годах, переехав на жительство в Новокузнецк, он долгое время работал корреспондентом газеты “Металлург”, активно

занимаясь и литературным творчеством в поэтическом жанре. Инициировал создание при редакции газеты поэтического клуба “Проталинка”. Впоследствии, работая художником-оформителем Мартеновского цеха КМК, до последнего дня своей жизни, всё своё свободное время отдавал Союзу творческих сил Новокузнецка, изданию его коллективного печатного органа – журнала “Озарение”, иллюстрировал его. Много писал сам и способствовал публикациям в журнале тех, кто желал этого и обращался к нему.

При жизни Александра Антоновича в многочисленных наших встречах делился с ним своими мыслями и пожеланиями о создании литературно-художественной газеты-альманаха и находил в его лице горячего сторонника этой идеи... Но дожить до этого дня Александру Антоновичу не удалось. Поэтому, публикуя сегодня это небольшое воспоминание о Фурсове А.А. и его творчестве, можно с полным основанием говорить о том, что Александр Антонович являлся и является одним из соавторов идеи создания газеты...

На мой взгляд, вся жизнь и творчество Александра Антоновича прошли под знаком любви – любви к своим близким, любви к своей Родине – большой и малой.

***
Земля отцов моих и дедов,
Как далека ты от меня!
Теперь, сполна тревог изведав,
Себя, терзая и казня,
Молю тебя, встав на колени:
Не выноси мне приговор –
Страшней, чем палача топор,
И беспощадней всех сомнений.
К тебе с надеждой припадая –
Прошу, как сын твой – не отринь:
От бед твоих, твоих святынь,
От ада твоего и рая...

Над омутом чёрным царит тишина,
В лесные завалы вливаясь,
Его стороною обходит луна,
Как будто чего-то пугаясь.
И звёзды трепещут всю ночь в вышине,
Боясь заглянуть в чёрный омут.
Лишь только русалки в глухой глубине:
Смеются и плачут, и стонут.
Но к омуту полночью, огненный, конь
Из леса спокойно выходит,
И чья-то, незримая – нежно, ладонь
Его и ласкает, и холит.
Об этом мне в детстве поведала мать.
Я сказкою этой был тронут.
Всю жизнь мне хотелось в лесу отыскать

Тот чёрный таинственный омут.
Хотелось увидеть лихого коня,
Ему подарить свои ласки...
Когда рядом с вами не будет меня,
То знайте: я с ним – в этой сказке.

Лёг на город октябрь листвою:
Золотою листвою тополиною,
Слышал я, возвращаясь домой,
За рекою тоску журавлиную.
И раздумья на сердце легли:
На заречных просторах – у просеки.
Почему же кричат журавли
И рыдают так сильно по осени?
Почему так – с далёких времён,
Этот плач – над Заобьем – проносятся?
Видно, всем, кто в Сибири рождён,
Покидать её с болью приходится!

В королевстве “Задом – встану”
Сир король когда-то жил,
Уважал король сметану,
А корову – не любил.
Как умел король бурёнку
Ежедневно унижал,
И, однажды, на тушёнку...
Её отправить приказал:
На колени перед сиром
Плача встали пастухи.
Короли, что правят миром,
Вечно к подданным глухи.
Но бурёнке жалко стало
Горем тронутых людей,
Подошла к ним и сказала:
“Королям, друзья, видней –
Есть тушёнку иль сметану:
Щедрый он или скупец –
Королевством “Задом – Встану”
Правит истинный глупец”.
И свершился утром серым
Королевский приговор:
Положил палач пред сиром
Окровавленный топор.
В королевстве “Задом – встану”
Сир король когда-то жил,
Уважал король сметану,
А корову – не любил.

***

Что случилось нынче с петухами?:
Что ни день, то ссора, то дебош.
Спрятались от них под лопухами, куры
И, с огнём их не найдёшь!
Что случилось нынче с петухами?
Кто дорогу петям перешёл?
Чёрный, вечно с мятыми боками.
Белый, как общипанный орёл.
Верю я, что поздно или рано,
Станет до смешного ясно всем:
Поделить не могут два султана
В лопухах забившийся гарем...

В долине ковыльной,
Под тенью кургана,
Стояла когда-то
Орда Чингисхана.
Орлы в поднебесье
Над нею кружили,
Костры под орлами
Угаром чадили.
Скрипели повозки,
Верблюды-кричали,
Воинственно кони
Монгольские ржали.
В долине ковыльной,
Что тесною стала,
От дальних походов
Орда отдыхала...
Заря остывала
В разливах тумана,
Сменилась стража –
У юрт Чингисхана.
Проснулись дубравы,
Им древний Восток
В долину прохладный
Прислал ветерок.
На травах зарниц
Догорали осколки,
Ушли в мелколесье
Лисицы и волки,
Долина наполнилась
Писком синиц,
Доили монголки
Стада верблюдиц.
Монголы костры
Возле юрт развели,
Немытыми лбами
Касались земли...
Сбывались походные
Шаманов прогнозы.
Гремели вдали
Одинокие грозы,
Зной травы долины
Нещадно палил.
Джучи Чингисхану –
В шатре говорил:
"Могуч и велик ты,
Обласкан судьбою,
Но я не привык,
Чтоб юлить пред тобою.
Уж лучше пади
С плеч моих голова,
Чем хану скажу я
Гнилые слова...
Предчувствие, хан мой,
Сказать мне велит,
Что много работы
Нам здесь предстоит.
Здесь в каждом улусе
"Коварных" урусов
Не встретили мы
Подлецов или трусов.
Из малых селений,
Больших городов
Добыть удалось
Только горстку рабов".
Засунув в халат
Прародительниц четки,
Сказал Чингисхан:
"Не награды, а плётки
Ты нынче достоин,
Коль нет – докажи.
А ну-ка, "воитель",
Мне их покажи".
И словно змея, чтоб
Вонзить своё жало,
Он вышел туда,
Где орда отдыхала...
От рева Орды
Покачнулся курган,
Подумать ведь только,
Сам Хан – океан,
Как прежде, могучий
И так же суров,
Спустился в долину
Взглянуть на рабов.
Рабы на него
С интересом смотрели,
Забыв про мозоли
И шрамы на теле,
Что в плечи врезались
Арканов ремни...
Спросил Чингисхан:
– Неужели они?
– Они, Хан! Представьте...
Ответил Джучи.
– Их всех предо мной
На колени поставьте!..
И, кречетом... гордо

Посвящал Фурсов А.А. своему творческому учителю и вдохновителю Иевлеву А.В. – заслуженному работнику культуры. В поэме-легенде "Проклятие Чингисхана" он обращал свой взор к историческим истокам Родины, воспевал мужество наших праотцев, их веру в правое дело:

Проклятия Чингисхана

Взглянув с висока:
– Сначала седого,
Как лунь старика...
Толмач, как умея,
Рабу объяснил,
Чтоб голову он
Пред Владыкой склонил.
Но гордый упрямец
Сказал толмачу:
– Ты, нерусь, как хочешь,
А я не хочу!
Я русич, а значит –
И честь мне беречь...
Старик не закончил
Начатую речь.
– Закиньте...
– сказал Хан, –
Его в ковыли,
Юнца подведите...
Юнца подвели:
Глаза голубые,
И волос в кольцо...
Плюнул юнец
Чингисхану в лицо.
Такого всеильный
Не знал никогда.
Завыла готовая
К мщенью орда:
Погибель неверным
Пророчит шаман.
Но властно рукою
Взмахнул Чингисхан:
Словно стрелой
Пораженный навyleт,
Понял, что
Русичей он не осилит:
– Покорными сделать
Руси племена

Поэт жил среди нас, думал и страдал вместе со всеми:

Чего греха таить, хулили...

Её не раз мы – ни за что,
А кто б мы без России были?
А были б без неё – никто!..

Писал он пером. Это же выводила его рука и кистью... Александр Антонович планировал провести в 2004 году очередную свою художественную выставку, приурочивал её к собственному семидесятилетию, говорил: "Есть что показать людям, в том числе и из новых своих работ". Но жизнь распорядилась по-своему...

Поэты и художники не умирают, они, улетаая от нас, продолжают жить с нами и в нас вечно: своими стихами и картинами...

Не то, что лихого
Взнуздать скакуна.
Не страшен он им
Даже с грозной ордою...
И вместо того,
Чтоб готовиться к бою,
Как будто, добычу
Теряя, шакал,
Пылающий гневом
Он вдруг зарычал...
Впервые в долине,
Вблизи от кургана
Орда услышала
Не рык Чингисхана –
Проклятье его
Сквозь великую грусть:
– Будь проклятой ты,
Непокорная Русь!..
Когда же к вершинам
Седым Дагестана
Ушла из долины
Орда Чингисхана...
Ушла, как обычно,
На быстрых рысях...
В долине с курганом,
В седых ковылях...
Пять русичей гордых
Навеки остались.
Они не сломались,
Трусливо не сдались
На милость, презренья
К врагу не тая...
Кто знает, быть может,
Средь них был и я?
А может, водил
На монголов я рать...
Иначе откуда
Всё это мне знать?..

Лидия Васильевна Сергеева

Родилась в городе Новокузнецке, трудовую деятельность начала учителем музыки и изобразительного искусства в Старобачатской школе Беловского района. Продолжительное время работала заместителем директора по воспитательной работе в Щепзаводской средней школе. В настоящее время заведующая школьным музеем. Является внештатным корреспондентом газет Беловского района "Сельские зори" и "Сельская школа", где и публикует свои стихи прозу.

Ряд стихотворений был опубликован в художественно-публицистическом издании "Смородиновая река" в 2006 году.

Солдат домой вернулся

Солдат домой вернулся,
В родимые края.
Здесь всё ему знакомо
И здесь его семья.
Хотя, признаться честно,
Он не спешил идти. –
Ноги в бою лишился
И правой нет руки.
И по ночам солдата
Терзал кошмарный сон:
Кому теперь он нужен,
Когда калека он?
Но медсестра твердила:
"Тебе сказать должна,
Что ждёт, не сомневайся,
Любимая жена.
Что жив солдат остался,
Всевышнему молись.
Езжай домой, не бойся,
Крепись, солдат, крепись..."
И вот он у калитки –
Глядит на дом родной.
И был не так уж лёгким
Солдата путь домой.
Тихонько приоткрылась
Сеней глухая дверь.
Тревожно сердце билось –
Что будет с ним теперь?..
Увидев, зарыдала
И крепко обняла:
"Тебя четыре года
Без устали ждала..."
Стоял солдат и плакал –
Как усомнился в ней?
И нет жены на свете –
Надёжней и милей!

Край родной

Я люблю тебя, моя сторонка.
Ты ночами часто снишься мне:
Босоногой бегаю девчонкой
Утром по росистой тишине...
Вот они луга мои родные
И берёзок стройный хоровод,
Где цветут ромашки полевые
И сияет синий небосвод!
Отчий дом, знакомое крыльцо,
Низкая скамейка под окном...
Вновь щемит истомою сердечко
О заветном, светлом и былом.
Милый край, с тобой я встрече рада,
Честь тебе и слава, и хвала.
Я вернусь в твой омут палисадов,
В дом родной, где прежде я жила...

Хочу оставить добрый след

Зачем живу на белом свете?
Зачем спешу я и куда?
Кто за судьбу мою в ответе?
А дни летят, бегут года...
Не надыхаться ароматом,
Когда черёмуха цветёт.
А я спешу, спешу куда-то...
Что день грядущий мне несёт?
О, как в селе мне всё знакомо –
Поляны, рощи и ручей!
Я снова здесь, я снова дома,
В плену былых счастливых дней.
Я низко кланяюсь при встрече
И, в сердце радость не тая,
Всем говорю я: "Добрый вечер,
Мои соседи и друзья!..
Остановлюсь на перекрёстке,
С любовью вспомню о былом,
Где у ручья шумит берёзка,
А на пригорке – отчий дом...
Моё село, моё богатство.
Тебя родней на свете нет.
Хочу прожить здесь не напрасно –
В сердцах оставить добрый след..."

Мargarита Николаевна Юрова

Родилась в Воркуте, детские годы и вся последующая жизнь связаны со Старобачатами Беловского района.

Окончила Новокузнецкий педагогический институт, по окончании работала преподавателем русского языка и литературы в Щепзаводской средней школе, с 1994 года – директором этой школы.

Свои стихи публиковала в художественно-публицистическом издании "Смородиновая река" в 2006 году.

Жизнь

Училась, росла и взрослела,
Мечтала, влюблялась, ждала.
На милого робко смотрела,
Когда поманил – я пошла...

Рожала, стирала, кормила,
Училась, в работу ушла.
Судьбу временами корила
И птицу удачи ждала.
Сажала картошку. Копала.
Гордилась, стыдилась, гнала.
Писала, потом исправляла
И вроде счастливой была...

Осень

После знойного звонкого лета
Холодней и синей небосклон.
Зреет осени близкой примета
В позолоте берёзовых крон.
Встреча с ней не бывает случайной
И в народе не зря говорят:
Никого, мол, не минет печальный
С поволокой задумчивый взгляд.
Вроде лето ещё не остыло,
Не наскучила людям жара,
Но цветы уже смотрят уныло
И ведают ненастья ветра.
Что несёшь ты нам осень в награду
Для желающих радости глаз?
Просветлённую грусть листопада
И дожди, словно слёзы о нас...

Судьба

Я всё куда-то торопилась
Над суетой мирской взлететь.
И вот теперь остепенилась,
Посколь не всё дано суметь.
Я так хотела быть красивой,
Чтобы понравиться тебе.
Но не смогла и нету силы
Исправить данные в судьбе.
Судьба, судьбина!
Ты коварна.
Но я смогу всё пре-
возмочь.
И буду очень бла-
годарна,
Коль удосужишься помочь.
Настанут дни, прой-
дут ненастья,
И я, устав от суеты,
Вдруг обрету полёт
и счастье,
И может, сбудутся
мечты.

Виктор Анатольевич Коврижных

Родился в 1952 году в Старобачатах.
После службы в армии работал водите-
лем на автопредприятиях города Кеме-
рово и посёлка Бачатский.

С 1983 по 1990 годы работал журна-
листом в газетах "Знамя коммунизма",
"Открытые горизонты", "Беловский экс-
пресс", редактором многотиражной газеты
"Труд горняка".

Свои стихи и прозу публиковал в го-
родских, региональных и центральных
газетах, журналах и других изданиях.
Является автором четырёх поэтических
книг, вышедших в кемеровских издатель-
ствах. Публиковался и во многих коллек-

тивных сборниках.

За особый вклад в развитие литера-
туры награждён почётными дипломами и
медалью "За веру в добро".

Член Союза писателей России с 1997
года. Живёт в Старобачатах.

Сенокос

Сенокосный, високосный
Год, июль набрал полёт.
Над травой – густой и росной,
Утро раннее встаёт...
Проступают постепенно
Сквозь туманный полумрак:
Склон холма и копны сена,
И с кустарником овраг...
Зреют шорохи и звуки
Над озябшею травой.
И вода – речной излучки,
Засквозила синевой.
Алым заревом – на синем,
Засветился небосклон,
Набирают робко силу
Птичий щебет, свист и звон...
На лугах – на сенокосных
Словно счастья смех и крик,
Засверкал в алмазных росах
Солнца утреннего лик.
День родился! Знойным светом
Мир окрестный разбудил.
Стоголосым разноцветьем
Запестрел, заголосил.
Залил светом даль лесную!
Вот и лёгкий ветерок:
Гасит росы и волнует
Мой притихший костерок.
Как сплошной пчелиный улей
День гудит над головой.
Верноподданный июля,
Сенокоса рядовой!

Анатолий Николаевич Гуляев

Родимый край

Усяты! Край мой родимый –
Порою, шумящий, хмельной,
Сажай заросший и тиной...
Ну, что тут поделатъ – такой!
Абушка – речушка немая –
Углем вся и грязью взялась.
А с диалекта Алтая –
Абою – отцом, звалась!
Мысок, наш посёлок. Когда-то,
Он гордо стоял на горе.
Оттуда отец мой – солдатом –
Ушёл на войну в сентябре...
Зимой там на санках катались:
Сел и попёр от крыльца,
Они с такой скоростью мчались,
Как будто горе нет конца.
И вот прошли зимы и лета,

Белёсыми стали виски.
Но, что ж стало с краем родимым:
Нет дома, ворот – без доски.
И места того нет, где дом был.
Теперь тут – огромный карьер.
Лишь кучи, завалы большие,
Давящий меня "интерьер".
Всё это сожгло мою душу,
Дымят лишь останки в золе,
А слёзы слегка огонь тушат,
Вандалы... прошли по земле.

Длительный полёт

Коле Осипову –
прокопчанину, кур-
санту Армавирско-
го военного лётно-
го училища, траги-
чески погибшего в
1971 году посвяща-
ется.

Мотор в полёте –
жизнь и сила...
Не надо это объяс-
нять,
Всем тем, кто хоть
однажды,
Когда-то сам мог
улетать.
Всё так случилось,
что сначала
Турбина пела как
струна,
Но вдруг: затихла, замолчала...
И, наступила тишина.
Хоть в общем всё, как и обычно:
Кабина, небо и штурвал...
Но тишина, так не привычно:
Мотор, как факел, затухал...
Пилот – курсант, совсем мальчишка
Сибирский, скромный паренёк.
Так - по привычке, оглянулся,
В глазах сверкнул лишь огонёк.
В "зэша" трещало и шумело:
"Брось самолёт..." – кричал эфир.
"Я отверну, – сказал он смело, –
Здесь, подо мной, деревня, мир..."
И отвернул он за деревню...
Упал на поле самолёт.
А лётчик Коля, сын шахтёрский,
Ушёл в свой длительный полёт!
И именем его назвали
Тот дом и улицу, где рос,
И ту зелёную аллею,
Где утром слышен шум берёз.
Он не погиб, он жив поныне,
И где-то видит свои сны.
Всегда, всегда не умирали
России лучшие сыны!

Порой её, как и тебя,
В любви к другим ревную.
А ты меня ревнуешь к ней!
Одно лишь сердце знает,
Когда с тобой я, тянет к ней,
Тебя с ней не хватает...
Лечу над миром я в ночи –
Всё можно перепутать.
Но только мне тебя, учти,
Ни с кем, ни с чем не спутать!

Солдатской матери

"И вот, она – из камня и металла,
Стоит одна, среди родных полей
И, журавлями, в небо провожает
Одиннадцать любимых, сыновей"
Столько лет уж прошло,
Как погибли сыны,
Как они не пришли
С той проклятой войны...
Тихо ветер шумит,
Гнёт траву, суховой,
Только мать всё грустит –
Ждёт домой сыновей...
Только мать всё грустит –
Ждёт сыночков домой,
Ну когда же они
Соберутся гурьбой?
Мать тоскует и ждёт,
Сил в ней нет, чтоб не ждать,
Каждый вечер идёт
На дорогу встречать.
Молча с грустью глядит
На закате в тот край,
Куда детки ушли:
Кто – в февраль, а кто – в май.
Нет, не видно, не слышно –
Никто не идёт,
Только мать всё глядит –
Сыновей своих ждёт.
Уж всё мглой взялось
И вокруг везде мрак.
Но, что нет сыновей,
Мать не верит никак.
Ей иначе не жить
И всегда – только ждать:
Это можешь лишь ты,
Наша русская мать.
В ожидании своём
Руку к сердцу прижала...
У развилки дорог
Навсегда она встала.
Навсегда она встала
Средь родимых полей
И журавлями, в небо провожает
Одиннадцать любимых сыновей.

Ты и Она

Чуть блещет ранняя звезда
У твоего порога.
Ты с грустью смотришь в даль
Всегда, в глазах твоих тревога.
Я улетаю к той звезде –
Зачем ты снова плачешь?
Поверь, что ты в моей судьбе
Совсем не меньше значишь!
Я улетаю к той звезде,
Иначе жить не в силах.
Поверь, родная, там – везде –
Мир создан для любимых!
Люблю тебя, люблю её,
Мою звезду ночную,

Военлёт

Лётчику-испытателю, полковнику
Белову Владимиру Александровичу
посвящается.

Жизнь как река – бежит куда-то,
Стоять не может на пути,
Порой окликнет виновато:

Взглянул, а годы позади!
С тех пор прошло уж много лет,
Нет тех людей со мной в пути,
Но до сих пор его я слышу
И вижу ясно впереди:
Идёт размашистой походкой,
Вдоль всей стоянки, не спеша.
С любовью "АН" наш "обнимает",
Ласкает словно малыша.
Всегда вокруг него обходит,
Так раньше было и теперь:
Когда "коня" на бой выводят,
То "сбрую" и "коня" проверь:
Турбины пущены. Кто знает,
Как встретит небо на лету?
С надрывным рёвом "АН" взмывает
И набирает высоту...
Погода, прямо – не подарок,
Закрты тут и там пути:
Прошёл меж шапок, как меж арок.
Сверкнуло сильно впереди.
Экран в засветках и всё шире,
Сильнее меркнет белый свет.
Не может быть, что в этом мире
Неба ясного нам нет!
"Штурман! Как там обстановка?
"Пошарь" лучше пустоту...
Примени свою сноровку,
Чтоб пробить нам темноту..."
"Командир! Засветки справа,
Слева тоже – только тьма...
А по курсу, сколько вижу –
Вся в огне стоит стена..."
В это время так трянуло,
Задрожал наш старый "АН"
И, как будто потянуло
В пекло: прямо на таран!..
Проскочили – светло стало,
Влево мельком бросил взгляд:
Военлёт, как и бывало,
Ведёт спокойно аппарат...
Посмотрел на нас не мило,
С виду строго, как всегда:
"Что вы, соколы, унылы,
И грустны как никогда?"
Карту взял – не ради скуки,
Пальцем линию провёл,
Потянулся, потёр руки
И с досадой их развёл;
"Жаль, что время потеряли,
Побросало нас чуть-чуть.
Чем поили, генацвали,
Вряд ли взять нам где-нибудь?
Штурман! Ничего не скажешь?
Надо лучше посмотреть!
Может: где-то что-то срежешь?
Чтобы нам везде успеть!"
"Понял Вас! Сейчас приброшу –
Проложу по карте путь,
Чтобы время поубавить
И с "дороги" отдохнуть!"
Военлёт потёр ладони,
Головою покрутил,
И довольный всем собою
Сигарету закурил...
"В преферанс, нынче играем?
В каждой сдаче – здравствуй туз!
Помню, как-то я "купились",
Как мальчишка-карапуз!
Взял на прикуп "батерфляк",
Семь бубновых заказал:
Все, конечно, "пропустили",
Без шести "друг" наказал..."
Посмеялись, пошутили –
Время быстро всё прошло.
На посадку заходили –
Солнце, за гору, зашло...
Не спеша газами двигал,
Точно в створ огней вошёл:
К полосе лишь прикоснулись –
Сжался весь, в себя ушёл.
Всё закончено как надо,
Стал вдруг грустным военлёт,
А спустившись вниз по трапу,
Вновь погладил самолёт.
Словно друга вороного
Он по гриве потрепал,
И, размашистой походкой,
Вдоль стоянки пошагал.
Я смотрел во след и думал:
Нужно сильным как он быть,
Чтобы враг моей России
Не смог голову склонить...
И по сей день его вижу,
Видно – сердце мне велит:
Военлёт идёт с планшетом,
В небо счастливо глядит...

В середине девяностых судьба предоставила мне возможность обработать несколько лет на шахте "Коксовая" в Прокпьевске. Без преувеличения скажу, что люди, с которыми довелось работать, золотые. Но в отношениях между собой, за редким исключением, на первобытном уровне обращаются друг к другу по кличкам и, на каком-то уничижительно-оскорбительном лагерном жаргоне.

До того момента, когда я пришёл ра-

бота в таких случаях, тянулось очень медленно и нудно...

– Дядя Саня, расскажи что-нибудь из своей жизни... – обратился я к Михайлову, чтобы время скоротать и как-то сгладить нависшее над нами тягостное молчание.

– Да знаешь, в моей жизни разных случаев, конечно, было много, но вот так, сразу, чего-то и не вспомнишь, – ответил он.

И на какое-то время вновь погрузил-

ся в свои думы. Узкое и изрядно морщинистое его лицо как-то неестественно вытнулось. По всему было видно, что думая он переворачивал в памяти страницы "книги" своей жизни – немалой по объёму, трудной, временами даже тяжёлой по сути. Думая, он сунул свою правую руку во внутренний карман грязной рабочей одежды, достал портсигар с папиросами "Беломорканал", раскрыл его и достал одну папиросу медленно размял её, затем, постукав мундштуком папиросы о крышку портсигара, сунул её себе в рот, закурил. Сделав глубокую затяжку, выпустил

из себя обильный клуб приятно будоражащего голову дыма. После чего вновь заговорил.

– Однажды получил я наряд – сделать ревизию оборудования на отработанном горизонте, частично использовавшемся для иных целей. Спустился в шахту, пришёл на место. Осмотревшись, соорудил возле моего оборудования площадку для инструмента и седушку для себя. Начал раскладывать инструмент – ключи, плоскогубцы выложил. Чин-чинарём, а когда достал из сумки молоток и понёс его к остальному инструменту, то он начал выскальзывать у меня из рук – завертелся в руках как живой. Ну, знаешь, словно рыбина, которую тянешь из воды на крючке удочки, она висит как полено, а в руки брать начинаешь, затрепыхается, из рук выскользнет и назад в реку...

Так и мой молоток – завертелся в руках, словно рыбина и из рук выскользнул. Рядом со мной там ходок был. Молоток ударился в борт ходка и перескочив через него полетел вниз. Причём не просто полетел, а с "музыкой". Знаешь, как бывает – иногда в стволе сорвётся какой-нибудь камешек или ещё что-то мелкое и летит до самого низа – до зумпфа. А другой сорвётся и как начнёт по "расстрелам" скакать, так и летит со звоном, пока всё не "сосчитает" – до самого низа. Так и молоток мой, падая, "считал" переклады трапа. Я громко выругался по данному случаю. Хотя работу можно было выполнить и без молотка, но мне почему-то стало его очень жаль. Словно человека. Подошёл я к ходку, осветил лучом лампы вниз: затхлый воздух, висевший в ходке, облака

медленно поднимался вверх. На меня повеяло могильным духом. Мурашки по спине побежали... Тем не менее, пробив светом всю толщу воздуха, я отчётливо увидел площадку перекрытия, в центре которой, словно красуясь передо мной, лежал мой молоток. Расстояние до него было – метров шесть, ну, максимум – десять. "Если трап крепкий, достану", – решил я. Попробовал ногой первую перекладину: крепкая, – отметил про себя. Встал на неё. Попробовал вторую – крепкая! Начал спускаться вниз. Спускаясь, поглядывал вверх, мысленно отмерял расстояние: метр, два, три... Спустившись метра на четыре, может пять – почувствовал лому в висках. Решил глянуть вниз, чтобы сориентироваться, сколько ещё осталось спускаться. Глянул и чуть с трапа не оборвался: на площадке лежал не молоток мой, а какой-то человек в белом. Лицо этого человека мне было знакомо, но я его никогда не видел. Он молча улыбнулся мне и жестами рук манил к себе. Улыбка его была настолько отвратительная, что словами не опишешь. Волосы у меня на голове зашевелились, всё тело затряслось – как в лихорадке.

"Обнял" тогда я лестницу, на которой стоял, как самую любимую женщину своей жизни и медленно пополз обратно вверх. Не могу сказать, сколько времени поднимался. Видимо, долго. Когда пальцами рук коснулся верхнего бортика ходка, то дальше, как мне казалось, поднимался уже не за счёт ног, а вытягиваясь всем телом... Грязь и жижа, окружавшие ходок, воспринимались теперь как манна небесная. Отдышавшись на своей седушке, быстро выполнил работу и – на свет Божий...

Сказав последние слова, Михайлов замолчал и, отвернувшись от меня в сторону, снова затянулся папиросой. При этом взгляд его был направлен поверх шахтовых построек и уходил куда-то далеко-далеко – в небо...

Через некоторое время он снова повернулся лицом ко мне и, буравя меня глазами, продолжил:

– Позднее я много раз думал об этом случае. И вот до чего додумался – газ был в том ходке, я надышался им: в голове помутнение началось, галлюцинации. А человек этот – в белом, не иначе как смерть моя была. Поэтому-то и лицо его было мне так знакомо. Каждый ежедневно со своей смертью "нос об нос" ходит. И противно поэтому же было его лицо...

Спустился тогда я ещё хотя бы на одну ступеньку и всё. Лёг бы там рядышком с этим человеком или на его место. Но устоял передней – горбатой, поживём ишо...

Вот такой случай был в моей жизни. Хочешь – верь, хочешь – не верь. Ну а что молотка касаясь, то перед тем, как нагору выезжать, я всё же снова осветил в ходок – человека там, естественно, никакого не было, а молоток лежал на том же месте и до сих пор, наверное, там же лежит.

– Смелый и сильный вы человек, дядя Саня, – искренне восхитился я им, когда он окончательно завершил своё воспоминание.

Михайлов с укоризной смерил меня своим взглядом...

– Ну, ты тоже – скажешь, обыкновенный я..., – ответил он мне с явной обидой в голосе. По всему было видно, что мои слова смутили Александра Павловича. Поскольку наверняка никто и никогда подобного ему не говорил.

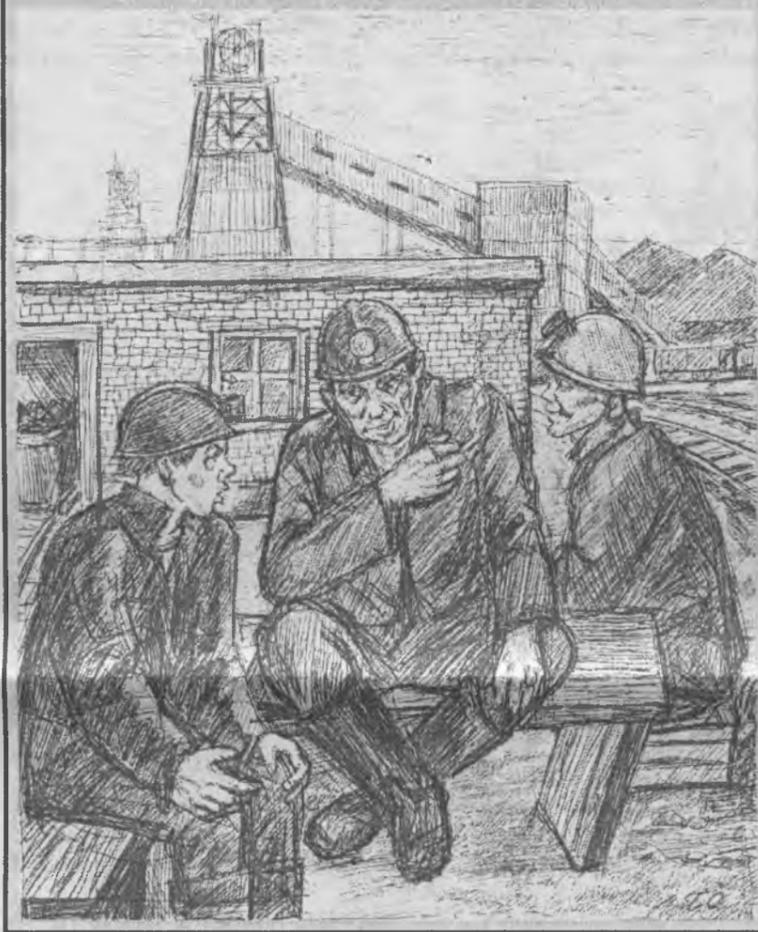
Долго молчавший до этого сигнальный звонок вдруг разразился оглушительным звоном.

– Ну вот, наконец-то..., – с облегчением произнёс дядя Саня и, как-то по-своему, по-михайловски, основательно взялся за рычаги управления лебёдкой.

– Поехали! – громко прокричал он и, улыбнувшись мне своими морщинистыми губами, лукаво подмигнул одним глазом.

Медленно завертевшийся барабан лебёдки начал накручивать на себя трос. Работа пошла к завершению...

Дядя Саня и молоток

ботать на шахту на участок "подъёма", там долгое время работал подземным электрослесарем Михайлов Александр Павлович, человек почтенного возраста. Не могу сказать, сколько лет было в то время Михайлову, но, думаю, за шестьдесят, и прилично. Всем своим товарищам по работе Александр Павлович годился в отцы, у некоторых, наверняка, дедушки моложе были. Тем не менее, на участке все звали его исключительно по-пацаны, "Санькой", и в глаза и за глаза.

Мой язык не был приспособлен поворачиваться в таком ключе, поэтому, с самого первого дня нашего знакомства с Михайловым, я начал обращаться к нему по-родственному, начал называть его дядей Саней, на что Михайлов не возражал.

В обычные дни дядя Саня выполнял на участке все вспомогательные работы по части доставки со складов различного материально-технического имущества: баллонов со сжатыми газами, запасных частей и прочего. Иногда, правда не так часто, приходилось и ему по стволам "ездить" – делать "ревизию".

Однажды в скиповом стволе проводились ремонтные работы. Дядя Саня, по расчёту, сидел на лебёдке, закреплённой на площадке, на поверхности возле ствола: спускал вниз и выдавал на-гора необходимое для ремонта оборудование и грузы. Я, работавший в то время механиком этого участка, как бы находился на контроле выполнявшихся работ.

Когда работы, связанные со спуском грузов, были окончены, мы с Михайловым перешли в режим ожидания. Время, как

Зима в девяносто третьем году, теперь уже прошлого столетия, в южных широтах бывшего Союза... ныне — независимого государства, лютовала и, как бы продолжая суровую поступь стихии, жизнь сыпала на головы людей беду за бедой, как из "рога изобилия". События полувековой давности виделись как в хорошую ясную погоду, а то, что происходило сегодня, логически понять никто не мог.

Снег выпал сразу после ноябрьских праздников, которые теперь не отмечали как прежде, более того — пытались делать вид, что их и раньше не было... Лишь только земля оделась в белую "шубу", как следом за этим завернули морозы, всё заледенело и потеряли признаки бывшей кипучей и, как казалось, бесперебойной жизни.

Вслед за холодами в природе наступили холода в домах и квартирах, а за холодами в квартирах начали зябнуть и человеческие души — души "золотого фонда" бывшей непобедимой и несокрушимой армии...

В начале декабря, как часто бывает в этих местах, потеплело — снег сошёл. Но после двадцатого холод вновь начал усиливаться. Температура воздуха установилась чуть ниже нулевой отметки, с высокой — почти стопроцентной, влажностью. Отчего всё живое чувствовало себя очень неуютно. В народе говорят, что в такую погоду хороший хозяин собаку на улицу не выгоняет. Но люди — не собаки. Им дома сидеть не полагается, им хочешь не хочешь, а куда-то надо идти и не только идти, но и что-то делать...

Небо осыпало землю хлопьями снега, перемешанного со дождём. Для авиации такая погода противопоказана, даже более того — смертельно опасна!

Год завершался, офицеры во всех частях авиационного объединения праздничного настроения не чувствовали. Да и как чувствовать, если Новый год на носу, а денежного содержания последние два месяца не выдавали. Семьи военных в буквальном смысле слова скатывались до постыдного — до нищеты...

— Как жить дальше? Ребятишки дома скулят, как голодные щенята, — тихо роптали между собой вояки. Больше всего их угнетало то, что и просветов выхода из создававшегося положения им не виделось.

Бывший Гвардейский авиационный полк забастовал, объявив, что отказывается выполнять возложенные на него задачи до выдачи всех долгов по денежному довольствию всему личному составу.

Командующий воздушной армией вызвал к себе в кабинет начальника штаба армии и начал обсуждать с ним создавшуюся ситуацию.

— Надо лететь утихомиривать смутьянов, товарищ генерал, — перейдя на официальный тон, сказал командующий. Из чего следовало, что лететь придётся именно начальнику штаба. — Возьмите с собой кого-нибудь из руководства тылом, финансиста, начальника Военотрга, ещё кого-нибудь по вашему усмотрению...

Начальник штаба Воздушной армии генерал-майор авиации Ледогоров подошел к окну и посмотрел в небо.

— Погода плохая, товарищ командующий, — ответил генерал-майор, вернувшись на своё прежнее место.

— Надо, очень надо, Василий Александрович! Понимаешь — на-до-о! Новый год на носу... С людьми встретишься — поговоришь, взбодрит, поздравит и успокоит их, объяснив всю создавшуюся ситуацию. После праздника новый финансовый год начнётся, что-то ещё изменится — выкрутимся, — поднявшись с места закончил говорить командующий.

— Понятно! — ответил начальник штаба и вышел из кабинета своего командира. — Никуда не денешься, приказ есть приказ! Надо лететь, но так не хочется! Надо что-то говорить людям, кого-то надо ругать! А как смотреть в глаза людям?... — думал про себя Ледогоров.

Сообщив оперативному дежурному воздушной армии, что выезжает на аэро-

дром, захватив с собой рекомендованных командующим должностных лиц, генерал-майор тронулся в путь-дорогу...

На дежурном вертолете, экстренно включенном в план перелёта, кроме бортового техника никого не было.

— А где лётчики, — спросил генерал после доклада капитана о готовности вертолёта к полёту.

— У диспетчера аэродрома, оформляются на перелёт. Да что-то слишком долго, наверное, погода плохая, — ответил на вопрос высокого начальства бортовой техник, высказав своё предположение и о задержке лётчиков.

Вы трус, майор!

Это было в реальной жизни: на Украине — в Одессе, в Пятой воздушной армии... после распада СССР.

Сопровождавшие генерала должностные лица выйдя из машины, беседа между собой, не спеша переместились в жарко натопленный пассажирский салон вертолёта. Генерал же, недовольно, вернулся в автомобиль и поехал в сторону командно-диспетчерского пункта воинской части гражданского аэродрома (аэропорта). Лётчики действительно были там.

— Ну, что вы время тянете? — с порога раздражённым тоном начал высказывать свои претензии генерал. После чего строго посмотрел на майора, командира экипажа вертолёта.

— Погода плохая, товарищ генерал: по маршруту "ниже" моего метеоминимума. Я при такой погоде не летал уже более года! — пояснил сложившуюся ситуацию лётчик.

— Вы трус, майор! И позорите своими словами всю нашу крылатую гвардию! — с гневом, как-то даже неожиданно для себя: чеканя каждое слово, тихо и медленно произнес генерал, глядя прямо в глаза лётчику.

У майора передёрнулось лицо, зло блеснули глаза. Но справившись со своим чувством, он вымолвил: "Я не трус! Я просто предупредил Вас. В конце-концов, я просто обязан это сделать. Если Вы приказываете мне лететь сейчас, тогда я оформляюсь и полетим!"

— Оформляйтесь, полетим! — более мягчённо ответил генерал, после чего он вышел на улицу и сев в автомашину уехал на вертолёт.

Минут через пятнадцать, оформившись на перелёт, приехали на вертолёт и оба пилота.

— "Каскад", я — "нольтринадцатый", разрешите запуск двигателей? — запросил военного руководителя полетов (Р.П.) командир вертолёта.

— "Нольтринадцатый...", запуск двига-

телей разрешаю, — ответил Р.П.

Запустив авиадвигатели и получив разрешение на выруливание с места стоянки вертолёта на взлетную площадку, майор отпустив рычаг стояночного торможения колёс, покотился на вертолёте по длинной рулежной дорожке аэродрома, которым одновременно пользовались два ведомства: военное и "Аэрофлот".

— "Нольтринадцатый", имей в виду, что погода у меня ухудшается ещё сильнее. После взлёта обратно принимать тебя не буду, — передал Р.П. по радио на борт вертолёта.

— А куда же мне деваться, если меня

выполнения полёта...

Вырулив на исполнительный старт, майор развернул вертолёт на ветер, наклонился и, вытянув шею, осмотрел небо во всей видимой ему части полусферы, через блистера и лобовые стекла кабины вертолёта: свинцовые и тяжёлые облака, сплошь залепившие всё небо, грозно свисали над землёй, в отдельных местах, ближе к морю, словно бороды небесных чудовищ цеплялись и за землю.

— Опасно, чёрт побери! — оскалившись и прищурившись, вымолвил он, не нажимая кнопок радиосвязи. — Ну да ладно, где наша не пропадала! — "Каскад" "Нольтринадцатому", разрешите взлёт? — теперь уже, нажав кнопку внешней связи, сказал он в эфир.

— "Нольтринадцатый", ВЗЛЁТ РАЗРЕШАЮ! — ответил Р.П.

Ручкой "шаг-газ" майор увеличил обороты авиадвигателей, а когда они достигли взлётных, потянул её вверх: вертолёт оторвал от земли переднее колесо, затем — покачиваясь с "ноги" на "ногу", словно утка при ходьбе, по земле, правое и левое основные колёса. И начал медленно подниматься над землёй. Поднявшись метра на два, завис. Потом, несколько опустив вниз свою "морду", медленно, но всё увеличивая и увеличивая скорость, стрелой понёсся над землей, быстро набирая и высоту.

— Побыстрее, проскочить облака надо, а то обледеем..., — подумал майор, когда вертолёт "чиркнул" по первой "бородке", свисавшей почти до самой земли, на механическом указателе обледенения появился первый ледок. Ярко вспыхнули лампочки электрической сигнализации "начала обледенения" вертолёта.

— Противообледенительная система включена? — спросил он борт-техника, хотя перед взлётом контролировал её включение.

— Включена, работает нормально! — доложил борттех.

— Ну тогда вперёд! — улыбувшись впервые за весь полёт, ответил капитану майор и ещё подтянул вверх ручку "шага" несущего винта.

Вертолёт, увеличив вертикальную скорость, полностью вошёл в облака и как будто остановился на месте. Контролировать полет визуально — по внешним ориентирам стало невозможно. Майор медленно перевёл свой взгляд на приборную доску: равномерный свист двигателей и шум несущего винта говорили сами за себя — всё работало исправно...

Лётчик, шаря глазами по приборам, перевёл свой взгляд на механический указатель обледенения. Лёд нарастал интенсивно.

— Обледеем! — снова подумал майор и ещё немного поддёрнул вверх ручку "шага" несущего винта.

— Командир! Скорость резко падает и обороты несущего винта! — закричал по внутренней связи правый лётчик.

— Вижу! — сердито оборвал своего помощника майор. — Поздно уже...

Вертолёт, беспомощно хлопая лопастями несущего винта о воздух, как простреленная пулей обессиленная птица — крыльями вывалился из облака хвостом вперёд. И, перевернувшись в воздухе "носом" вниз, как бумажный корабль на волне, врезался в землю рядом с многоэтажным жилым домом...

Мёртвых лётчиков выбросило через разбитые блистера и лобовые стекла наружу, а останки генерала и сопровождавших его должностных лиц горели под грудой искорёженных металлических обломков вертолёта.

За тридцать две секунды полёта не стало отличных людей, живших в последнее время сложной и до предела униженной жизнью.

Земля всегда принимает своих сыновей и с капризами "диспетчеров" не считается! Светлая память всем погибшим!..

Двухгодичник, младший лейтенант Кирилл Кириллов прибыл в военную авиационную часть после окончания авиационно-технического училища ГВФ. Офицеров, призванных на военную службу из запаса и оставшихся в армии, в авиачасти было много. Служили эти офицеры как правило хорошо и не только на первичных офицерских должностях, но и на руководящих – инженерных... Бывшие двухгодичники достойно несли марку "Гражданского Воздушного Флота" в Военно-Воздушных Силах.

Мамлей Кириллов, в начальный период своей воинской службы, целиком и полностью придерживался традиций, заложенных своими предшественниками. Он на равных влился в коллектив и никто из его сослуживцев не сомневался в том, что Кирилл, после обязательных двух лет службы, останется в армии и дальше, будет служить не хуже своих старших товарищей.

По телосложению Кириллов был человеком средних величин, даже несколько худощав. Черты его лица были не по-мужски симпатичны, фигура – тоже, несколько овална и женственна. Когда Кирилл смеялся, то на щеках у него образовывались ямочки, а симпатичный курносый носик мило морщился. Женственность лица и фигуры смущали Кириллова и если кто-то, пусть даже ненароком, намекал на это, то Кирилл всегда краснел, смущался и очень обижался.

Женился Кирилл рано, в начале своей учёбы в училище, а на момент призыва на службу у него уже была двухлетняя дочь. Жена Кирилла имела необычное имя – Муза. За имя, а может и вообще, Кирилл любил жену, даже в какой-то степени гордился ею.

Владимир Высоцкий пел: "Муза... его посетила, посидела и ушла".

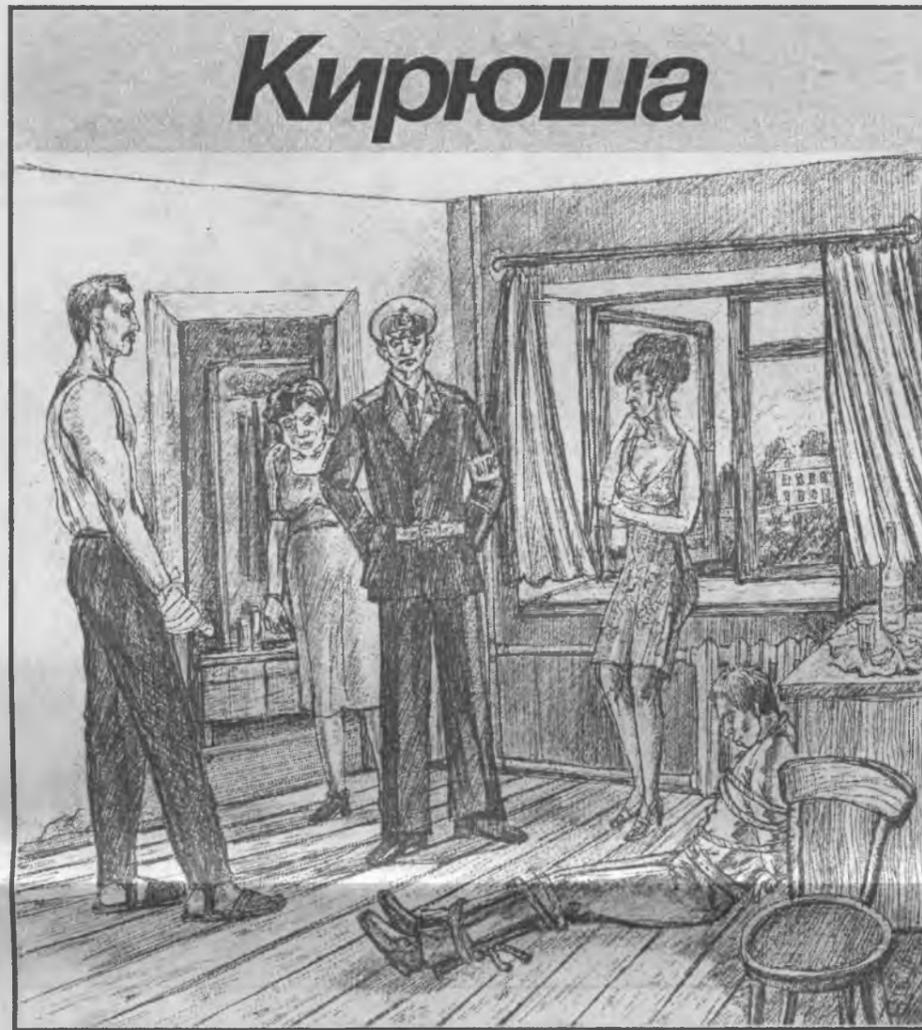
– Моя Муза всегда со мной! – любил говаривать своим знакомым Кириллов. При этом, "Музу" Высоцкого и свою Музу, он, как правило, всегда отождествлял. Кириллова Муза ласкательно называла своего благоверного супруга Кирюшей, как своего пупсика или второго ребёночка-сыночка. Вслед за Музой, также стали называть Кирилла и все остальные.

По "Положению о прохождении службы офицерами", призванными из запаса на два года, двухгодичники имеют некоторые привилегии перед кадровыми офицерами – выпускниками военных училищ. А именно: жилье двухгодичникам полагается предоставлять вне очереди, из служебного фонда. И хотя жилищный вопрос во всех военных гарнизонах во все времена очень сложный, семьи молодых кадровых офицеров, как правило, лет по пять обязаны мыкаться по частным квартирам. Семье двухгодичника, несмотря ни на что, жилая площадь изыскивается и предоставляется почти сразу после его прибытия в воинскую часть. Семья Кириллова, в этом смысле, исключением не стала. Хотя предоставленная им жилая площадь была невелика – одна комната в трёхкомнатной коммунальной квартире с общей кухней, туалетом и прочее – Кирилл и Муза были очень рады своей первой, пусть и малюсенькой, квартирке. Муза по специальности и образованию являлась медицинской сестрой и, видимо, в силу своей профессии, была не брезглива к всяким человеческим нечистотам, кроме того, она была и трудолюбива – могла выполнить любую тошнотворную работу. В своей квартирке, ужасно запущенной предыдущими жильцами и, как казалось соседям, не имеющей перспектив в плане приведения её в состояние нормального человеческого жилища, Муза навела идеальный порядок, как в аптеке.

Во второй комнате Кирюшиной коммуналки жила семья офицера – коллеги Кирилла, техника по радиооборудованию – лейтенанта Плотникова, состоявшая из четырёх человек – самого лейтенанта, его жены и двух уже больших сыновей. Саня Плотников хотя и носил лейтенантские погоны, но по годам и жизненному опыту имел значительное превосходство

над Кирюшей: три года срочной службы Плотников прослужил матросом на корабле, остался на сверхсрочную, стал мичманом. С палубы корабля судьба перебрала его на военный аэродром – переучился и стал обслуживать радиосвязное оборудование военных самолётов. И здесь прослужил солидный срок, стал грамотным авиационным радиомехаником. И лишь только после этого, экстерном окончив военное училище, лейтенантские звёзды, несмело опустили на его погоны почти к тридцати годам, прожитым им на земле-матушке. Несмотря на то, что лейтенант Плотников в авиации служил уже

По окончании двух лет службы Кириллов подал рапорт по команде об оставлении его в кадрах Вооружённых Сил Союза. Рапорт был подписан всеми командирами и начальниками Кириллова, были составлены все соответствующие документы и представления, и отправлены в соответствующие вышестоящие инстанции. В итоге лейтенанту присвоили очередное воинское звание старший лейтенант и он был переведён в кадровый состав Министерства Обороны. Вновь испеченный старший лейтенант почувствовал силу в своих "крыльях", изменился его внешний вид – несколько пополнив, стал солидным.

давно, сердце его по-прежнему принадлежало морю и оставалось на корабле. "Старый" лейтенант не расставался со своими морскими привычками, со своей морской формой.

Морской офицер на ранг выше пехотного, всегда шутя говорил Плотников. Командование авиачасти на прихоти "моряка" закрывало глаза, и он длительное время продолжал оставаться единственным "морским" офицером в "сухопутной" авиационной части, за что все любя величали его лейтенантом Шмидтом.

В третьей комнате Кирюшиной коммунальной квартиры жила пожилая женщина с сыном-подростком. Работала эта соседка в местном домоуправлении, по гражданским меркам – ЖЭКе, дворником. Соседка была полновата по телосложению и неповоротлива, излишне любопытна и проворота – в смысле не высокого уровня её интеллекта. Выглядела соседка почему-то значительно старше своих лет. Все жильцы коммуналки и другие соседи относились к этой женщине с некоторой иронией и называли её везде бабой Полей.

Этажом выше – над Кирюшиной коммуналкой, жила семья лётчика, командира первой авиаэскадрильи – полковника Никитина Евгения Михайловича, огромного русского мужика с пудовыми кулаками.

В течение обязательных первых двух лет своей службы Кириллов, как уже было сказано, служил надлежащим образом – его повысили в должности и в воинском звании, теперь он стал старшим техником группы обслуживания и полным лейтенантом. Своё повышение Кирюша воспринял как само собой разумеющееся, как свой первый, но твёрдый шаг на пути восхождения вверх по служебной лестнице.

Кирюша

Значительно изменился Кирюшин характер – стал волевым, даже несколько высокомерным. Начал попивать. Водка взбадривала организм старлея, как озверин кота Леопольда. После возлияния Кирюша сразу же начинал чувствовать в себе невероятный прилив всяческих сил. При этом все окружающее его в его глазах сразу же неизменно уменьшалось в своих размерах и значениях до презрительно малых величин и значений. Единственным человеком, кто не уменьшался в Кирюшиных глазах, так, это только его Муза и, что не уменьшалось в его сознании, так это только его "Муза".

Буквально через несколько дней после его зачисления в армейские кадры, Кирюша пришёл домой явно веселее, чем когда либо в прежние времена. Мило разговаривая с женой, готовившей на кухне ужин, он громко смеялся.

– Кирюша, тебе не кажется, что ты слишком часто начал выпивать? – с состраданием, как врач к больному, обратилась к мужу Муза.

– Офицер всегда должен быть слегка пьян! И иссиня чисто побрит!.. – многозначительно заявил он жене и поднял вверх, в восклицании, свою правую руку с оттопыренным указательным пальцем.

Проследив за реакцией жены, пришёл в небывалый восторг. Время было уже позднее, поэтому Муза начала приглушать мужа:

– Тише, тише, Кирюша, баба Поля-то спит уже...

– Да что ты, милая, не спит она, а подсматривает за нами в замочную скважину, – ответил он и, снова громко засмеявшись, подошёл к двери бабы Полиной комнаты. Немного постояв возле соседкиной двери, покорчил ей свои рожи, развернулся и ни с того, ни с сего – со

всей силы ударил в дверь её комнаты каблуком своего армейского ботинка. Дверь оказалась незапертой – пулей она пошла вперёд, но полностью не открылась – ударившись во что-то мягкое, самостоятельно возвратилась в исходное положение... Кирюша с видом победителя, важно и не спеша, возвратился к жене, на кухню.

За дверью соседки, тяжело охнув, кто-то упал на пол. Муза, почувствовав что-то неладное, строго взглянула на мужа и обогнув его, быстро прошла в соседкину комнату.

– Ой-й! Что ты наделал?! – воскликнула она, войдя к соседке.

Кирюша, засунув руки в карманы почти по самые локти, медленно пошёл по коридору на крик жены. Не перешагнув порога, заглянул в соседкину комнату: баба Поля, распластав в разные стороны руки, бесчувственно лежала на полу. Муза, суетясь возле неё со знанием дела, оказывала ей первую медицинскую помощь, приводила её в чувство. Хмыкнув и как ни в чём ни бывало развернувшись, Кирюша пошёл обратно на кухню, на прежнее своё место.

На возникший шум в коридор выскочили и третьи соседи – "лейтенант Шмидт" со своей женой.

– Что случилось, что случилось? – затараторил "Шмидт", заскочив на кухню.

– Да-а, можно сказать ничего. Я, как-то подсознательно, случайно – невзначай, задел ногой дверь соседки, а она, "падла", подсматривала в замочную скважину. Дверной ручкой ей врезало между глаз – потеряла сознание... Ничего страшного, Муза сейчас её быстренько в чувство приведёт. Так ей и надо, не будет подсматривать и подслушивать, – пояснил причину возникшего шума Кирюша.

"Шмидт", косо улыбнувшись, ушёл к себе, следом за ним ушла и его жена. Пусть не в тот же день и не в тот же час, но всё же бабу Полю Муза вылечила, поставила на ноги по-молодевшей и похорошевшей, так как лечила её не только от "болезни", привнесённой в её организм лекарственным муженьком, но и от всех остальных, нажитых соседкой не за один десяток прожитых непростых своих лет. В итоге баба Поля в накладе не осталась, поэтому и жаловаться на хулиганскую выходку соседа никому из Кирюшиных начальников не стала, о чём впоследствии очень сожалела.

Через непродолжительное время, достаточно призабыв инцидент с соседкой, Кирюша в очередной раз пришёл домой подшофе, с полупорожнённой бутылкой шампанского в руке, но Музу почему-то дома не обнаружил. Это обстоятельство вывело Кирюшу из состояния праздничной абстракции, недовольно развернувшись, он "ле" на обратный курс – в поисках своей ненаглядной. Идя мимо окон одного из соседних домов, чуткое Кирюшино ухо уловило людскую многоголосицу, среди которой, якобы, присутствовал голос и его Музы. Домостроевщины в Кирюшином доме не было, тем не менее порядков он придерживался строгих: любил видеть свою супругу перед своими глазами всегда. Поэтому в данный момент в его голове что-то с чем-то замкнуло не так как нужно: отступив на несколько шагов в сторону, он размахнулся и с огромной силой запустил мощный стеклянный сосуд в ставшее вдруг ненавистным окно, словно Александр Матросов гранату во вражеский ДОТ.

Брошенная бутылка со звоном "прошила" стекла в оконной раме и продолжила свой полёт через всю комнату, по какой-то счастливой случайности никого не задев, ударившись в стену, попавшуюся на её пути, с повторным звоном разбилась. Разбившись, слегка обдала кое-кого из присутствующих, как оказалось на свадьбе, брызгами шампанского. Не успев ещё как следует осознать содеянное на этот раз, сделал всего навсего пару шагов, Кирюша увидел перед своими гла-

(Продолжение. Начало на стр. 13)

зами нескольких молодых мордворотов которые, без каких-либо объяснений, начали безжалостно волтузить его по полной программе современного бандитского жанра: били кулаками, ногами и всем, что попало им под руки — до тех пор, пока он перестал подниматься с земли и подавать хоть какие-либо признаки жизни.

Погода в тот день на улице стояла дождливая, на земле везде была грязь, валявшийся в луже Кирюша, как деревенский поросенок в полуденную жару, явно портил своим видом праздничную обстановку. Поэтому держиморды снисходительно, за ноги, волоком на животе, как мешок с дерьмом, оттащили Кирюшу за дом, до ближайшего кювета, там и бросили...

Через какое-то время придя в себя, охая и кряхтя, весь избитый, Кирюша кое-как добрался до своего дома, до своего подъезда... Шатаясь из стороны в сторону, от стены до стены, наконец-то он дошёл до двери своей квартиры, оставив на стенах подъезда, с обеих сторон, грязные следы от соприкосновения с членами своего тела: рук, спины, головы. Такое тяжёлое преодоление всего нескольких десятков метров в жизни у старшего лейтенанта Кириллова было впервые, показали они ему очень долгими.

Муза, по складу характера, была смелая и решительная женщина. Несмотря на свои вполне ещё молодые годы, она не единожды встречала на своих руках человеческую смерть. Тем не менее она чуть было не упала в обморок от испуга в тот момент, когда увидела перевалившегося через порог своей комнаты мужа.

— Ой-й-й! — воскликнула она и, закрыв глаза, опустилась на пол.

Остаток хмельных паров в голове у Кирюши давно уже не было. Поэтому он сразу сообразил, что не на шутку испугал супругу.

— Муза, Музочка моя, это я — твой Кирюша... — гнусая и всхлипывая, запричитал он.

Услышав голос суженного, всего мгновение тому назад находившаяся в полубморочном состоянии, молодая русская женщина моментально пришла в себя и всплеснув руками начала облагораживать своего непугёвого не на шутку разбуянившегося супруга. Отмытый и переодетый в чистую одежду, Кирюша расчувствовался и, положив ещё мокрую голову на колени жены, расплакался как маленький напроказничавший, но прощённый ребёнок. Четырехлетняя дочка бегала вокруг отца, гладила его по спине своими маленькими ручками и приговаривала: "Папа, папочка, лоднёнький наш, не плачь. Не плачь, папочка..."

От доброго отношения к себе со стороны жены и милого сердцу щёбетания дочки, Кирюше стало нестерпимо жаль самого себя: слёзы побежали из его глаз ещё пуще — как две большие струи из водопроводного крана.

Полковник Никитин, Кирюшин сосед сверху, на службе был очень строгим командиром, но "оттужив" небеса за лётную смену, придя после полётов домой, любил, что называется, покопаться в земле. У себя под балконом, то есть у Кирюши под окном, лопатой он раскопал всё пустующее пространство, по периметру своей квартиры, сделал нечто вроде палисадника. И хотя обрабатываемая им площадь земли была небольшой, но росло на ней у полковника много чего... Кирюша, изредка посматривая в окно, видел у себя перед глазами пышные дары природы: цветы, овощи... С некоторых пор, в некотором роде, он начал считать всё, что растёт под своим окном — своим: "Раз это растёт и благоухает на моей территории, значит это моё...". Как ему казалось, "резонно", рассуждал он сам с собой. Поэтому, когда Кирюша выпивал более ста граммов водки, вина или авиационного спирта, а такое, в последнее время, случалось у него всё чаще и чаще,

тогда он выходил на улицу, под своё окно и начинал собирать созревающий урожай — лучок, чеснок, помидорчики... В общем брал всё то, что подходило ему сейчас к сервировке на стол.

Настоящему хозяину даров природы Кирюшины действия, естественно, не нравились. Несколько раз он культурно одергивал оборзевшего соседа, пытался стыдить его. Старший лейтенант с доводами полковника соглашался, но после очередной выпивки всё повторялось... В конце-концов Никитину надоело не столько поборы соседа, сколько его невежество, наглое неуважение его —

дема, пытаюсь, вывернуться. Но не тут-то было, все его усилия шли не в счёт по сравнению с нечеловеческой силой, придавившей его к земле. Жена полковника, стоя на балконе, сверху "контролировала" всё происходящее на "поле брани" и, пытаясь помочь своему мужу, корректировала его "боевые" действия.

— "Женя, ты свяжи его верёвкой, а то, если он вырвется, снова на тебя драться ползет..." — посоветовала она мужу.

— Давай верёвку, — согласился с предложением жены Никитин. Та немедленно ушла с балкона и тут же предстала перед ним с большим мотком бельевой верёвки в

— сквозь зубы, превозмогая боль, выдавил из себя полковник.

— Да нет, чтобы зубы ему разжать, — ответила жена.

— Нет, не надо, — ответил полковник, при этом голова его с молниеносной скоростью, как компьютер, выискивала варианты выхода из создавшейся ситуации.

— Попался, карасик, теперь я буду из тебя "веревки вить", — думал Кирюша, жуя словно гаван-

скую сигару полковничий палец. — Правильным путём идёте, товарищи! — радостно подбадривал он сам себя в уме, думая, что прикажи он сейчас полковнику развязать себя, тот немедленно исполнил бы его команду. Но сказать это он всегда успеет, думалось Кирюше, лучше будет, если он додумается сам.

Расставаться с собственным пальцем полковнику не хотелось, лишая Кирюшу жизни из-за каких-то помидор ему тоже не хотелось. "Водой его отлить надо, как бульдога..." — подсказал ему внутренний голос.

— Воду носи, — крикнул он жене, которая вновь, уйдя с балкона, предстала перед ним со стаканом воды. — Да, нет, воды много надо — ведро... — простонал с раздражением он.

Помощница, как никогда в своей жизни, не переча мужу, быстро побежала обратно и тут же вернулась обратно с ведром воды в руках.

— Потихоньку лей воду ему на лицо — в рот, — со знанием дела распорядился Никитин.

Когда вода непрерывной струей полилась Кирюше на лицо и в рот, то он некоторое время не дышал, плотно сжав свои губы вокруг чужого пальца. Закрыв глаза, он собрал в комок все своё тело: съжившись вновь лежал как придавленная к земле маленькая зверушка. Но природа брала своё — дышащему воздухом положено дышать воздухом. Поэтому через некоторое время Кирюша начал пускать сквозь зубы пузыри, затем забулькал, зафыркал, а затем, широко раскрыв свой рот и глаза, начал вертеть в разные стороны и своей головой, намереваясь убрать лицо из-под поразившей его дыхание водяной струи.

Никитин, с нетерпением ожидавший этого момента, далее испытывать свою судьбу у Кирюши на зубах не стал, моментально выдернув свой палец из чужого рта, начал дуть на него.

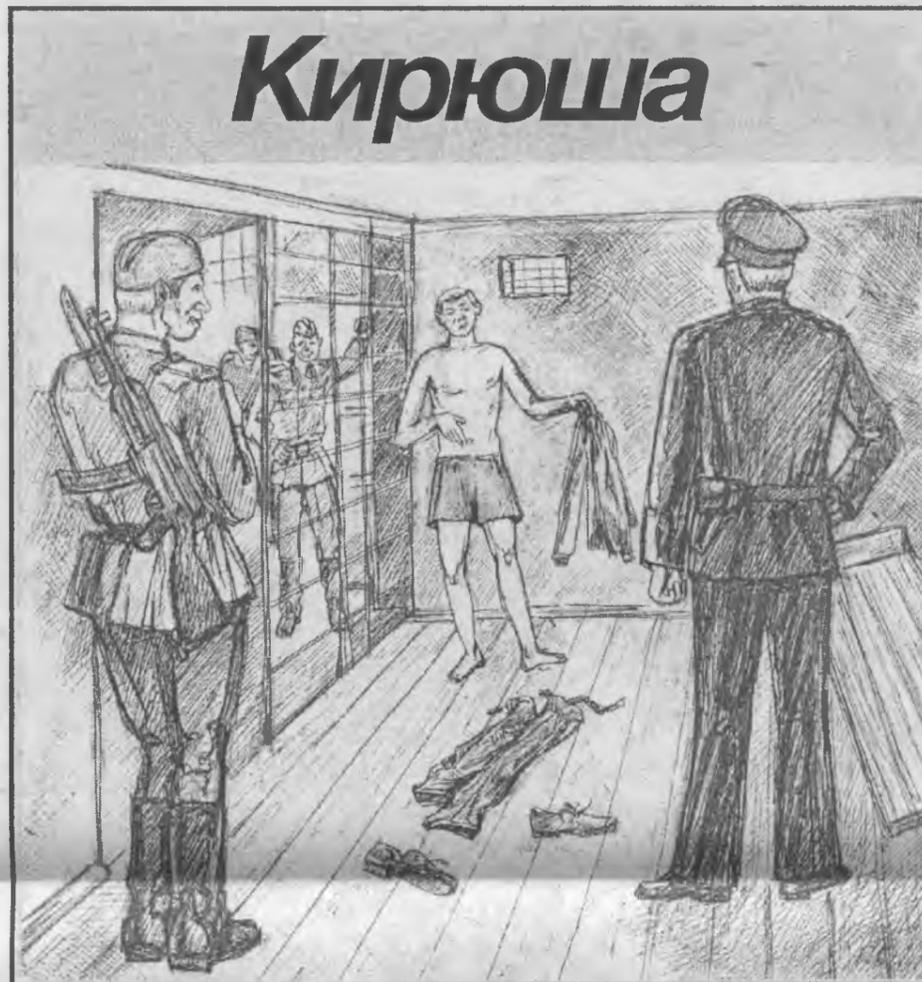
Невесть откуда появившаяся на "поле брани" Муза — Кирюшина жена, начала лечить очередную жертву своего ненаглядного.

Баба Поля, везде сующая свой нос, увидев окровавленную руку Никитина, прослезилась и, как бы к слову, рассказала всем присутствующим о своих недавних страданиях, пока Муза обрабатывала и перевязывала не жалея бинтов полковничью рану.

— Всё, дальше терпеть хулигана, больше не будем! Я этого дела так не оставлю! — строго и однозначно заявил полковник, когда Муза закончила свою процедуру как бы в знак благодарности ей.

Лейтенант "Шмидт" в этот выходной день находился в наряде — нёс гарнизонную службу в качестве начальника патруля. Время подходило к обеду, начальник патруля вместе со своими патрульными по заведённой в гарнизоне традиции стоял недалеко от солдатской столовой и останавливал всех одиночно шатавшихся солдат: от казармы до столовой и обратно. Лейтенант останавливал каждого одиночку и внимательно выслушивал его объяснения делал внушения, наставлял на установленные Уставом порядки, а то и "брал на карандаш..."

Вдруг до слуха начальника патруля донесся "лошадиный" топот. Повертев головой, увидел бегущего по асфальтовой пешеходной дорожке в свою сторону коменданта гарнизона — капитана Афанасьева, или просто Афона, как любя звали коменданта за глаза буквально все солдаты и офицеры гарнизона. "Что-то случилось? — подумал "Шмидт" и, не за-

Никитинского труда. В конце-концов, всё, что воровски отнимал у него сосед, он, без каких-либо осязательных материальных издержек мог купить и на рынке. Но здесь дело касалось его жизненных принципов, и он решил принять действенные меры к пресечению творившегося над ним беспредела. При очередном Кирюшином "наезде" на охраняемую территорию, Никитин вошёл туда же, вослед за нарушителем своего спокойствия.

— Наглец!.. — сказал он Кирику, вырвавшему из земли у него на глазах зелёный лук. — Ты сажал его?

— Я наглец? — выпрямляясь, визгливым голосом выкрикнул Кирюша. — Это ты наглец! — слепча рубанул он и начал приводить контраргументы в своё оправдание... В результате которых полковник за короткое время узнал о себе столько всякого, о чём даже и не догадывался за всю свою прошедшую жизнь. Всё было поставлено с ног на голову. Но, тем не менее, умопомрачительная ложь в свой адрес полковника не тронула, держался он прежнего курса. Пытаясь вытолкнуть Кирюшу из своего огорода, Никитин, не очень учтиво, толкнул его в грудь своей огромной ручищей. От толчка Кирюша не удержался на ногах и упал на спину, вырвав из своих рук всё собранное. Вскочив с земли, как с раскаленной сковородки, он с кулаками бросился на своего обидчика, кулаки которого по размерам были почти одинаковы с Кирюшиной головой. Удар полковник может и следует старлея по голове, те наверняка убил бы его одним ударом. Такие перспективы Никитина не устраивали, поэтому, схватив Кирюшу за грудки, он, без особых усилий, снова положил его на землю.

Кирюша чувствовал себя маленьким зверьком, жёстко прижатым к земле рогатиной. Он извивался как уж под медве-

руках, подав верёвку в руку мужа, вернулся обратно на балкон.

Если сказать, что Никитин связал Кириллова, то это не будет соответствовать действительности: драчун был опутан верёвкой по рукам, ногам и всему телу как паутиной, которая являлась для него панцирем, в котором он мог лишь пошевеливаться, подняться или перевернуться с одного бока на другой без посторонней помощи не мог. Полковник, хотя и без особых усилий, завершил свою операцию и всё же приустал — на лбу у него выступила испарина. Не поднимая своей "пятой точки" с Кирюши, как с бревна, он развернулся на девяносто градусов и поудобнее расселся на лежащем. Одной рукой он начал вытирать выступившую на лбу испарину, вторую, не глядя, положил куда-то на торс поверженного. О чём тут же и пожалел: отставленная Никитинская рука легла на Кирюшино лицо, большой палец руки оказался прямо у Кирюшиного рта, который долго не раздумывая широко разинув рот, вцепился в полковничий палец словно акула — всеми зубами сразу.

— У-у, у-у... — взвыл полковник, как изголодавшийся волк при виде убежавшей от него добычи. Теперь уже он извивался как червяк на крючке, пытаясь силой выволить свой палец из Кирюшиного рта. Но Кирюша от причиняемой ему боли только сильнее сжимал свои челюсти, давая понять своему обидчику, что при необходимости может и совсем откусить палец.

— Может тебе ножик принести? — снова подала голос жена Никитина, всё так же стоявшая на балконе и наблюдавшая за всем происходящим внизу.

— Зачем? Голову отрезать ему, так я и так могу её оторвать, он ведь, стервец, палец мне откусит и оторванной головой...

кончив своего "дела" до конца, отпустил очередного задержанного им солдата.

— Патруль, патруль, ко мне! — кричал на бегу комендант. Теперь уже и лейтенант сорвался с места и, сломя голову, понесся навстречу своему начальнику. Патрульные солдаты трусцой последовали за своим начальником.

— Патрульных оставь здесь, пусть они самостоятельно несут службу, а сам мухой в автопарк, бери машину и срочно в военный городок (так назывался ДОС, где жили семьи офицеров и прапорщиков гарнизона), к первому подъезду девятого дома, — на бегу давал указание комендант гарнизона бегущему навстречу начальнику патруля. — Остальные указания получишь на месте, — досказал до конца свою мысль запыхавшийся комендант, когда они наконец-то добежали друг до друга. Говорить ещё что-то коменданту уже ничего не оставалось, поэтому, поравнявшись с лейтенантом он легонько ударил "Шмидта" в плечо, развернул его на месте в сторону автопарка и повторным ударом в другое плечо со стороны спины отправил его в новом направлении, но в том же темпе.

— К девятому дому, к первому подъезду... — как бы боясь позабыть названный ему адрес, как заклинание, повторял лейтенант. Вдруг его сознание осенила мысль и ослепила одновременно, как луч света идущего в темноте. Он резко остановился и замер на месте, как вкопанный.

— Постой, постой, — сказал он сам себе вслух, так девятый дом, это ведь мой дом, а первый подъезд, это ведь мой подъезд... Там что-то случилось?! — понял, лейтенант и сорвавшись с места понесся дальше ещё быстрее — на всех парусах.

При подъезде к своему дому лейтенанта остановил полковник Никитин, у которого, кисть правой руки и большой палец на ней были перебинтованы, через бинты проступали красные кровяные пятна.

Открой задний борт и вплотную подъезжай к нашему подъезду, — без лишних разъяснений, командным тоном, приказал полковник.

Лейтенант, исполнив приказание, ничего не понимая, во все глаза смотрел на полковника, имевшего в этот раз нереспектабельный вид. Тот, все так же ничего не поясняя, кивком головы приказал следовать за собой — в его подъезд, в его квартиру... В груди у "Шмидта" учащенно забились сердце.

— Муза, Муза-а-а, жена моя, развяжи меня, я все рога пообломаю этим козлам. Я им покажу... — перешагнув порог входной двери своей коммуналки услышал начальник патруля явно пьяный голос своего соседа Кирюши. После чего у "Шмидта" отлегло на душе.

Дверь в комнату Кирилловых была настежь открыта, посередине комнаты на полу полностью опутанный веревками лежал Кирюша и громко ругался. Увидев начальника патруля, своего соседа, он истерично закричал: "Муза, Муза-а-а..." Но исполнить волю своего Кирюши или даже облегчить его участь сейчас, при таких делах, Муза не могла. Она стояла у окна, смотрела на своего "ненаглядного" и молча плакала. Ей было жалко мужа, в то же время обидно и стыдно за него.

— Берем как бревно, грузим в машину и ты отвезешь его в гарнизон — на гауптвахту, — как всегда кратко пояснил полковник план дальнейших совместных их действий.

Машина, в срочном порядке выделенная в автопарке для неотложных дел, явно не была подготовлена для перевозки людей — на полу её кузова лежали остатки мелкого угля. Видимо, до того момента, как выделить её начальнику патруля, на машине возили мелкий уголь, но привести в порядок кузов, как это часто бывает, позабыли, или, в виду исключительности случая, на уборку кузова просто не хватило времени.

— Евгений Михайлович, может, в кузов коврик подстелить? — нерешительно спросила у Никитина Муза.

— Нет, никаких ковриков! — в своей манере ответил полковник. Затем, искоса взглянув на зарёванную молодую женщину, добавил уже более мягким тоном. — Сударыня, для вашего мужа за его проделки этого транспорта много. Его нужно было бы просто-напросто зацепить за ноги арканом и волоком тянуть до самой гауптвахты.

Кирюшу, как смогли, запихнули в кузов грузовика. Лейтенант "Шмидт" закрыл задний борт машины и медленно

тронулся в сторону гарнизона, находящегося от ДОСа почти в десяти километрах.

Возле гауптвахты машину поджидал комендант гарнизона капитан Афанасьев. На гауптвахте офицерских камер не было, поэтому чтобы не создавать дополнительных трудностей для самого себя и, в силу исключительности случая, комендант перевёл всех арестованных в дисциплинарном порядке солдат, находящихся на "губе" (как ласкательно называют это заведение везде), в одну, самую большую, общую камеру и запер её дверь на замок.

Что бы не привлекать к происходящему постороннего глаза, "Афоня" подогнал машину так же — задним бортом к воротам "губы"...

Когда лейтенант "Шмидт" вновь открыл задний борт машины и увидел буяна, то не смог удержаться от смеха — Кирюша, что называется, весь был перемазан углем. Лицо его сплошняком было чёрное, как у негра или как у шахтёра, только что вышедшего из пыльного угольного забоя на-гора. У Кирюши только белели зубы да блестели глаза — видимо из-за отсутствия опоры при движении машины — на поворотах он катался по кузову из стороны в сторону, как настоящее бревно, но сообщить об этом водителю не имел возможности.

Тем же способом и порядком начальник патруля и комендант гарнизона спустили буяна с машины и занесли на гауптвахту в заранее подготовленную одиночную камеру, положили на "вертолёт" (переносной деревянный топчан). Когда "Афоня" остался с "арестантом" один на один, лишь тогда приступил к распутыванию его пут.

Многие из тех, кто хоть непродолжительный срок служил когда-то в армии, считают, что у военных комендантов гарнизона головного мозга нет — думают они костным мозгом или вообще ничем не думают. С таким мнением можно соглашаться или не соглашаться, каждый человек вправе иметь по этому вопросу сугубо личное мнение. Одно скажу, к коменданту гарнизона капитану Афанасьеву такая "народная характеристика" явно не подходила, "Афоня" с незапамятных времён служил в этой должности, но его мозги как и прежде оставались незакостенелыми — думал и жил всегда так же, как и все остальные люди, голову не терял, более того постоянно развивал свой умственный потенциал — отлично играл в шахматы, зачем-то заочно учился сугубо гражданской специальности в сугубо гражданском ВУЗе. А уж каким психологом и знатоком человеческих душ был капитан Афанасьев, что ни в одной академии такого не сыщешь... Словом, распутывая на Кирюше веревку, "Афоня" без малейшего намека на иронию, доброжелательно улыбался и ворковал: "Изверги, ох и изверги! Как же они тебя, Кирюшенька, разукрасили, — полупшепотом, очень ласково говорил комендант. — Ах ты бедняжка, ах ты бедняжка, а под глазиком-то, од-

нако, синячок будет? Да-да, будет!" — продолжал говорить Афанасьев, всё больше и больше развязывая и освобождая "арестанта" от пут.

Кирюша, от ласкового обращения со своей персоной со стороны начальства, расчувствовался и пустил слезу, ему жалко было самого себя. Наконец, "Афоня" окончательно распутав верёвку, поставил Кирюшу на ноги и, ни с того ни с сего, попросил его снять поясной ремень. Кирюша до этого момента думал, что комендант, освободив от ненавистных и обездвиживших всё его тело пут, отпустит его с богом. Но теперь понял, что

Кирюша (окончание)

жестко ошибся: Афоня свой хлеб зря не ел! Попросив Кирюшу снять поясной ремень, означало, что свободы сегодня ему не видать как собственных ушей. Сегодня он — старший лейтенант Кириллов — остаётся ночевать здесь, на "губе". Поэтому-то ему и надлежит сдать на хранение все режущие, колющие и другие вешательные предметы его сегодняшнего "платья" и "туалета" — таковы здесь правила и порядки.

— Может, тебе и штаны тоже снять? — с явной обидой в голосе и хамством пророкотал Кирюша.

— Снимай, снимай, Кирюшенька, так даже ещё и лучше будет, — всё так же улыбаясь, ответил комендант.

Кирюша снял с себя штаны и, скомкав их, зло бросил в лицо коменданта. Но Афоня, имея хорошую реакцию, моментально поймал их одной рукой.

— Может и трусы тоже снять? — уже с нескрываемой неприязнью, на повышенных тонах, прокричал Кирюша.

— Снимай, снимай, и остальное, — тоже смеясь ответил комендант.

Кирюша с остервенением сорвал с себя рубаху, майку и яростно бросил в Афонию. Затем он снял с себя последнее свое одеяние — трусы и тоже метнул их в своего "заточителя".

Афоня, как футбольный вратарь, то одной рукой, то другой ловил летящую в него одежду и складывал в кучу, себе под ноги.

Наконец, освободившись от всех своих одежд, Кирюша остался, как говорится — в чём мать родила и грубой бранью обружал коменданта, завалился на "вертолёт".

— Ну, вот и хорошо! Отдыхай, отдыхай, Кирюшенька! — невозмутимо обобщил всё представление комендант и, собрав в охапку всё валявшееся у своих ног, вышел из Кирюшиной ночлежки. Начальник караула гауптвахты, захлопнув решётчатую дверь одиночной камеры, закрыл её на большой висячий замок.

Кое-кто из солдат — караула гауптвахты, от любопытства заглядывали в Кирюшину камеру и хихикали над голым офицером. Кирюше визитёры явно не нравились, он громко ругался на них и, шаря рукой по голому полу, пытался найти что-нибудь такое, чем можно было бы запустить в нарушителей его спокойствия. Но в камере, в том числе и на полу, совершенно ничего не было.

Заметив баловство караульных, комендант, убрав со своего лица улыбку, строго отчитал их: "Ну, что вы к нему лезете? Вы что — никогда не видели голого и пьяного мужика? Оставьте его в покое, пусть проспится и протрезвеет..." Озорники требованию коменданта подчинились — нового арестанта больше не беспокоили.

После ночевки на "губе" и "драки" с комэском первой эскадры у Кирюши не стали складываться взаимоотношения не только со своими непосредственными командирами и начальниками, но и с то-

варищами в группе, которые начали стонать его и, почти в открытую называли его "кака", по первым буквам имени и фамилии. По их мнению, придуманное прозвище соответствовало сути Кирюшиной натуры. Все подсмеивались над ним. Его, как в трясину, всё сильнее и сильнее начало затягивать в череду дрязг и ежедневных неразрешимых проблем. В конце-концов, призадумавшись, он решил, что ратная служба — не для него. О чём написал новый рапорт", в котором слезно просил уволить его из армии как двухгодичника, выслужившего свой обязательный срок службы. Все Кирюшины командиры и начальники как сговорившись, не лукавя сожалениями по поводу принятого им решения, и на этот раз безапелляционно пошли ему на встречу — подписали рапорт с сутью изложенной просьбы.

Кадры, как известно могут всё... Через месяц с небольшим Кирюша стал гражданским человеком. При этом уволен он был из армии не как разгильдяй и нарушитель воинской дисциплины, а со всеми почестями.

Напоследок, перед самым отъездом в свой родной и дорогой его сердцу город, город невест Иваново, Кирюша ещё разок, но основательно вытоптал соседский огородик и отбыл восвояси.

Полковник Никитин, увидев после Кирюшиного отъезда трепетно любимое своё детище, решил, что через его палисадник проходят все дороги земного шара. Ну если не все, то одна, по которой постоянно ходит стадо баранов, это уж точно. Поэтому он забросил своё безнадёжное, обреченное на гибель, дело. А выйдя в запас, взял для себя настоящий садово-огородный участок, на котором его поистине агрономический талант раскрылся в полную меру — он начал выращивать и снимать в своем саду небывалые урожаи. А опыт, приобретенный им в борьбе с Кирюшей, пригодился ему для защиты своих урожаев от набегов "орд Мамаю" в конце спившейся части населения, не желающей жить на земле так, как жили веками их предки.

Муза какое-то время после Кирюшиного отъезда жила ещё в военном городке гарнизона. Но через непродолжительный срок тоже засобирались в дальнюю дорогу, вслед за своим "ненаглядным". Перед отъездом она сказала жене лейтенанта "Шмидта", что Кирюша взял за ум — совершенно бросил выпивку, устроился на работу каким-то инженером. На слова своей подружки та только развела руками и как-то очень мудро сказала: "Чудес у нас на Руси сколько хочешь. Наверняка твой Кирюша кем-то будет?!", чем несказанно обнадёжила терзающуюся в сомнениях Музу.

Лейтенант "Шмидт" через положенный срок стал капитаном-лейтенантом, а затем и майором — начальником связи Никитинской авиационной эскадрильи. После чего ему всё же пришлось сменить морской мундир — на обычный, авиационный. Затем он повторно влюбился, видимо окончательно, в авиацию...

Баба Поля перед отъездом Музы сильно и как будто искренне расплакалась: "Кто же меня теперь лечить будет, Музочка?..." — глотая слезы, проговорила бывшая соседка. Муза, никому и никогда раньше не дерзившая, тут удержаться не смогла: "Так, может быть, теперь вам, баба Поля и лечиться-то не будет необходимости. В дверь-то пинать больше некому".

Бывшая соседка намек её поняла и сильно обиделась, решительно закрыв платком половину своего лица и рот, не попрощавшись ушла к себе в комнату.

После отъезда Музы командование гарнизона освободившуюся комнату распределило семье кадрового офицера, измученной бесквартирьем с той целью, чтобы из комнаты как можно тщательнее выветрился Кирюшин дух — дух двухгодичника и временщины...

Во все времена усятские мужики считали, что наилучшее лекарство от всех болезней – это бутылка водки, а ещё лучше – самогонки:

1. Иван Говорин – один из усятских мужиков (которых только за последние сто лет было как минимум человек пять), в один из многочисленных своих “тяжёлых” дней посылает свою жену Анну за бутылкой самогонки, чтобы поправить своё здоровье.

Жена, не прекословя мужу, пошла исполнять его приказание и через некоторое время принесла-таки для своего ненаглядного требуемое.

Иван трясущейся рукой налил из бутылки в стакан. Но поднеся его ко рту, ни с того, ни с сего, зачем-то вдруг поинтересовался, где она взяла для него лекарство.

– У Наташки, – чистосердечно призналась жена.

Наташку – жинкину сестру, по какой-то причине Иван давно уже недолюбливал, поэтому и самогонку её пил лишь изредка и с отвращением.

– Наташкину пить не буду, – категорично заявил Иван и отодвинул от себя наполненный до краёв стакан с самогоном.

Анна знала, что муж её имеет нестерпимое желание опохмелиться, знала и то, что кураж его значительно сильнее любого его желания. Поэтому, особо не возмущаясь, она перелила содержимое стакана обратно в бутылку и, сунув её в сумку, вышла из дома. На улице повторила только что сделанное, только теперь перелила из одной бутылки в другую и через некоторое время вновь войдя в дом поставила перед Иваном то же самое, но в другой упаковке.

– Где взяла? – снова поинтересовался Иван.

– У Анфузы, обменяла, – не моргнув глазом ответила Анна.

Иван снова трясущейся рукой налил из бутылки в стакан и жадно – за несколько глотков – опустошил его. Облегчённо выдохнув, откусил половину огурца и долго жевал его.

– Ну вот, совсем другое дело, – с облегчением вымолвил он и вновь потянулся рукой к своей отраде, теперь уже с целью закрепления своего облегчения...

2. Матвей Брагин, придя к своей сестре, голосом обречённого заявил, что, по всей видимости, жить ему осталось недолго...

– С чего это ты взял? – взволнованно спросила сестра.

– В больнице был, врачи крутили, вертели, диагноз установили смертельный – “таберканея”, – чуть

Усятские курьёзы

ли не всхлипнув, произнёс Матвей.

Сжалившаяся над братом сестра накрыла стол, выставила, что полагается в таких случаях... Поправив своё здоровье, Матвей прожил ещё не один десяток лет. А смертельным его диагнозом оказалась обыкновенная гипертония, которая у него действительно была.

3. Максим Бычков, придя к своей матери, упадочническим голосом сообщил ей, что сильно заболел, достоверность своих слов подтвердил долгим надрывным кашлем.

– Двухстороннее воспаление лёгких у меня, возможно уже и туберкулёз, – откашлявшись сообщил он матери о своей болезни с намеком на возможный летальный исход. – Вот рентгеновский снимок моего заболевания, – в заключение сказал Максим и выложил перед не на шутку расстроенной матерью огромный рентгеновский негатив.

Расстроенная мать покормив сына и... “угостила” его.

Немногим позднее к Максимовой матери пришёл её племянник – ученик шестого класса, недавно изучавший в школе анатомию человека. Увидев лежавшую на столе фотоплёнку подросток взял её в руки и подойдя к окну начал рассматривать, по врачебному, на свет.

– Максим заболел, двухстороннее воспаление лёгких, – пояснила любопытному племяннику изображённое на плёнке всё ещё расстроенная за сына тётюшка. После чего племянник более внимательно углубился в рассматриваемое, поворачивая то одной, то другой стороной плёнку. Под конец залился звонким смехом.

– Ты чего это? – недовольно спросила тётя.

– Нет здесь воспаления лёгких, здесь нога сфотографирована. Вот посмотрите: Это ступня, это сустав, – пояснил племянник увиденное на снимке. После чего тётя тоже взяла в руки злосчастную плёнку и в конце-концов согласилась с доводами подростка.

– Ну и Макся, ну и шельмец, – без-

злбно начала она заочно ругать своего сына, явно довольная тем, что страшная болезнь не подтвердилась. После чего небрежно бросила на прежнее место теперь уже ни кому не нужный снимок...

4. Многодетная усятская мама, имея огромное желание заслужен-

но похвалить своего старшего сына перед другими взрослыми детьми, провозгласила: “Виктор у нас такой простой и такой хороший, словом – прощельяга”.

5. Шурка – студент-первокурсник Киселёвского горного техникума, вынужден был поселиться жить в квартире у своей тётюшки из-за возникающих проблем в своевременности посещения им занятий. Тётя Шуркина была стога, но справедлива. К своему, племяннику относилась так же, как и к собственным детям. Однажды, заподозрив, что племянник стесняется в её доме и плохо кушает, тут же отчитала его:

– Шурка, ешь суп-то, всё равно его свиньям вываливать.

Понимать её следовало так: “Шура, в моём доме чувствуй себя, как у себя дома, не стесняйся, суп ешь досыта – его на всех хватит. Остатки поросётам пойдут!”

6. Двоюродные братья, Юрка и Володька, пришли расслабиться к

своей любимой тётюшке: в картишки поиграть да и покурить полулегально. Поскольку тётюшка в курении подростков особого зла не видела, а в картёжном деле и сама была страстным игроком... Время было осеннее – на дворе грязно и слякотно. Пацаны, как известно, перемещаясь по земной поверхности, особо чистых дорог не выбирают...

Тётюшка в тот день, как на зло, навела в своём доме марафет, всё

чистила и мыла пол. Увидев пожаловавших в гости племяшей (сыновей сестры и брата), грязных, как только что вылезшие из лужи колхозные поросята, молча обдумывала, что делать с гостями – пускать их в дом или не пускать.

– Кто лучше сматерится из вас, того и в дом впущу, – объявила своё решение тётя.

Не успела она ещё и рта своего закрыть после сказанного, как в её уши влетел уже всё разрывающий трёхэтажный мат, одновременно вырвавшийся из двух детских глотков. Каждый из братьянов, стараясь показаться лучшим, выводил такие трели, что тётюшке стало стыдно...

Потупив взгляд, она увидела, что на только что вымытом ею полу племянники натоптали уже кучу грязи.

– Ах вы, пол весь мне истоптали, ещё и лагаетесь, – заругалась на гостей тётя и замахнувшись на них тряпкой, которой мыла пол, выгнала их из своего дома обратно на улицу.

Не солоно хлебавши раздосадованные братья легли на обратный курс.

– Сама же попросила, – возмущался не понявший произошедшего Володька.

– Палку мы с тобой перегнули малость, – высказался Юрка. Он был более сообразительным и в дальнейшем стал профессором.

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ ВЫПУСКЕ:

“Усятская россыпь” №2, который выйдет в первой половине апреля 2007 года, читайте: **ПРОЗА:**

1. Виктор Коврижных, трагедия “Светлый календарь”.

2. Анатолий Гуляев, рассказы “Мечь”, “Вороньи отметины”

“Белого офицера”, “Трагедии Усятских святых”, “Нюркина любовь”, “Красиво жить не запретишь”, “Цена доверия”.

СТИХИ разных авторов, полученные редакцией при подготовке к выходу очередного выпуска.